

К 100-ЛЕТИЮ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

Гражданская война в России

За правду
до смерти



К 100-летию Русской революции

Василий Галин

**Гражданская война в
России. За правду до смерти**

«Алисторус»

2016

УДК 94(47+57)«1917»
ББК ТЗ(2)711.1

Галин В. В.

Гражданская война в России. За правду до смерти / В. В. Галин —
«Алисторус», 2016 — (К 100-летию Русской революции)

ISBN 978-5-906914-10-1

Гражданская война стала естественным продолжением и неразрывной частью Русской революции, поэтому в серии, посвященной ее 100-летию, обращение к истории той войны является неизбежным. За что с такой отчаянной непримиримостью велась та война, какие интересы и идеалы отстаивали сражавшиеся «до смерти» противоборствующие стороны? Как они решали текущие и исторические проблемы, встававшие у них на пути? Ведь именно ответы на эти вопросы привели к победе одних и к поражению других. Почти 100 лет, прошедших с той поры, и произошедшая смена политических эпох позволяют взглянуть на эти вопросы без идеологических и эмоциональных оценок, с более непредвзятой и естественно-научной точки зрения. Подобное исследование истории необходимо даже не столько для восстановления «исторической справедливости», сколько для лучшего понимания природы человека и общества, законов, движущих их развитием. Такой подход создает условия для более реалистичной оценки настоящего и предвидения грядущего. Да, в прошлом мы ищем ответы о будущем, жизнь прошлых поколений не прошла бесследно, они оставили нам свой бесценный опыт, доставшийся им ценой огромных жертв и жестоких страданий. Настоящая книга является второй в серии «К 100-летию Русской революции». Сайт Автора: Galin.biz

УДК 94(47+57)«1917»
ББК ТЗ(2)711.1

ISBN 978-5-906914-10-1

© Галин В. В., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Пролог	7
Прелюдия	15
Большевики	23
Царское правительство	24
Союзники России в Первой мировой войне	25
Временное правительство	26
Союзники-интервенты	28
Белая армия	29
За правду до смерти...	33
Белая идея	33
Северная армия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36
Комментарии	

В. Галин
Гражданская война в
России. За правду до смерти
К 100-летию Русской революции

© Галин В.В., 2016

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения Автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Пролог

Давность описываемых событий требует некоего освежения в памяти их предыстории. Последняя подробно исследуется в книге автора «Революция» – в первой из серии «К 100-летию Русской революции», в данном же случае мы ограничимся лишь кратким ее резюме.

История Гражданской войны в России, по общему мнению, началась с Октябрьской революции. Различаются только оценки этого события, от восторженного восклицания любимца большевистской партии Н. Бухарина: «Пролетарская революция есть... разрыв гражданского мира – это есть гражданская война... в огне гражданской войны сгорает общенациональный фетиш», до обвинительных слов премьер-министра Временного правительства А. Керенского: «Насильственный захват большевиками государственного аппарата в ноябре открыл в России период гражданской войны и террора...»^[1]

Но революция была только первым шагом на пути к Гражданской войне. Вторым, по словам видного правого эсера В. Игнатьева, стал разгон большевиками всенародно избранного Учредительного собрания, что: «с нашей тогдашней точки зрения был(о) равносил(ьно) объявлению гражданской войны со всеми ее ужасами и последствиями. В Учредительном собрании мы видели единственную опору против этой войны и во имя этой идеи готовы были с оружием в руках идти на восстановление его нарушенных прав»^[2].

Большевики же пошли еще дальше – они подписали Брестский мир, сделав, по утверждению главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров колчаковского правительства Г. Гинса, Гражданскую войну неизбежной: «грандиозность гражданской войны в России – не плод реакции, а следствие непризнания Брестского договора, который расколол страну на два не только непримиримых внутренне, но и разнородных по внешней ориентации лагеря. Брестский мир заставил тех, кто желал спасти страну от столь откровенно созданного немецкого ига, обратиться к помощи Антанты»^[3].

Большевики, казалось, даже и не отрицали своей роли в развязывании Гражданской войны. Наоборот, лидер большевиков В. Ленин еще в октябре 1914 г. откровенно заявлял: «В ближайшем будущем наименьшим злом явилось бы *поражение* царизма в войне... Главное в нашей работе (кропотливой, систематической и, возможно, продолжительной) – попытаться превратить эту войну в войну гражданскую... Мы должны дать ситуации созреть и систематически подталкивать ее к созреванию... Мы не можем ни обещать, ни декретировать гражданскую войну, но наша задача работать, – столько, сколько понадобится, – *в этом направлении*»^[4].

Правда, сами революционеры даже не надеялись на скорое осуществление своих планов, даже в январе 1917 г. Ленин писал из Цюриха: «Мы, старое поколение, не увидим будущей революции»^[5]. Революция свершится ровно через месяц – в феврале, когда ни одного члена большевистского ЦК не было в европейской России, все они находились либо в ссылке, либо в эмиграции и даже не подозревали о грядущих событиях. Между тем, призрак Гражданской войны возник уже на следующий день после буржуазной революции. И только «переход высшей власти в руки Временного правительства в марте 1917 г., – утверждал А. Керенский, – при разгуле анархии в первые дни революции уберег Россию от гражданской войны»^[6].

Однако Временное правительство не смогло сдержать напора этой стихии: за полгода были перепробованы все варианты его составов от либеральных и коалиционных, до социалистических, но все они оказались бессильны, и страна всё быстрее катилась к пропасти. И тогда на пути набравшей силу анархии попыталась встать армия, под руководством генерала Л. Корнилова.

Большевики до выступления Корнилова даже и не мечтали о своей революции, они пребывали в глухом меньшинстве во всех выборных органах власти. *Корниловский мятеж*

стал переломным моментом, он продемонстрировал, что все перепробованные варианты либерально-демократических Временных правительств не смогли справиться со все углубляющимся развалом государства. Корниловский мятеж стал попыткой праволиберальных сил поставить на пути разгулявшейся стихии правую военную диктатуру, но она не только провалилась, но и привела к резкому полевению народных масс.

Одна угроза установления правой военной диктатуры резко толкнула маятник общественных настроений влево и радикализовала их. «Авантюра Корнилова..., – отмечал в этой связи Керенский, – сыграла роковую роль в судьбе России, поскольку глубоко и болезненно ударила по сознанию народных масс. Большевики, которые до 13 августа были бесспорны, 7 сентября стали руководителями Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и завоевали большинство впервые за весь период революции. Этот процесс повсеместно распространялся с быстротой молнии... Никому никогда не удастся поставить под сомнение роковую связь между 27 августа (9 сентября) и 25 октября (7 ноября) 1917 г.»^[7]

После освобождения Корнилова из-под ареста его оставит даже преданный ему Текинский полк: «что мы можем сделать, когда *вся Россия – большевики*»^[8]. Керенский в этой связи бесконечное количество раз повторял в своих воспоминаниях: «*Авантюра Корнилова была прологом к большевистскому перевороту. Если бы не было 9 сентября, не было бы и 7 ноября*»^[9]. «Я весьма серьезно могу заявить, что большевики должны воздвигнуть на одной из площадей прежней России обелиск Корнилову...»^[10].

Что касается самой власти, то к октябрю Временное правительство успело умереть своей смертью. «Верховная государственная власть лежала низвергнутой; – констатировал «белый» генерал Н. Головин, – нужно было только, чтобы какие-нибудь руки подобрали ее. Руки большевиков и сделали это. Поэтому *большевики абсолютно правы, утверждая, что в ноябре они правительственную власть не низвергали, а только подобрали уже брошенную*»^[11]. «*Власть пала из слабых рук Временного правительства*, – подтверждал другой «белый» генерал А. Деникин, – *и во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действительной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы*»^[12].

Временное правительство никто не защищал. Мало того, отмечал деятельный член «Комитета спасения родины и революции», созданного для борьбы с большевиками, В. Станкевич, «Станным образом, борясь с большевиками, все боялись быть смешанными с (Временным) правительством... *вопрос о необходимости восстановления правительства, низвергнутого большевиками... ни один голос не поддержал.* Все указывали, что при непопулярности правительства в стране лучше о нем совершенно не упоминать»^[13]. Последовавшие за Октябрьской революцией выступления юнкеров и офицеров носили крайне ограниченный характер, поскольку ни юнкера, ни офицеры сами по себе не выражают воли народа.

Наиболее наглядно эту данность продемонстрировали события в Москве 27–30 октября 1917 г., оказавшей наиболее упорное сопротивление большевистскому перевороту: «С удивлением и бессилием эта армия замечала, что она изолирована не только топографически, но и социально; что защищая порядок и законную власть, она в то же время путем исключения и против своей воли оказывается представительницей определенных классов. Имя “юнкер” начало с ненавистью произноситься демократическим населением Москвы и противопоставляться “народу”... Представители шести школ прапорщиков, зовя в свои ряды солдат, печатно заявляли, что в их среде почти нет дворян, что в огромном большинстве они – выслужившиеся солдаты-фронтовики, «истинные представители солдатской массы...» Однако, продолжал лидер российских либералов П. Милюков, «*кучка защитников Москвы и России, чем дальше, тем больше чувствовала себя изолированной и от остальной России, и от дру-*

¹ 9 сентября (27 августа) – дата корниловского мятежа, 7 ноября (25 октября) – Октябрьской революции.

гих общественных элементов. Слова “юнкер”, “офицер”, “студент” сделались бранными словами»^[14].

Волю народа должно было выразить Учредительное собрание. Хотя, например, французский посол М. Палеолог не связывал с ним больших надежд. Еще в апреле 1917 г., он замечал: «Русская революция по существу анархична и разрушительна... При необузданности, свойственной русскому характеру, она скоро дойдет до крайности: она неизбежно погибнет среди опустошения и варварства, ужаса и хаоса. Вы не подозреваете огромности сил, которые теперь разнузданны... *Можно ли еще предотвратить катастрофу такими средствами, как созыв Учредительного собрания или военный переворот? Я сомневаюсь в этом. А между тем движение еще только начинается...*»^[15]

Однако большевики, придя к власти, провели выборы в Учредительное собрание, в прозрачной попытке сохранить гражданский мир. Общее мнение политических сил отражали слова Керенского: «Даже после реакционного государственного переворота 7 ноября большевики (созвав Учредительное собрание) имели возможность погасить разгоравшееся в России пламя гражданской войны, предотвратить гибель и развал страны»^[16]. На выборах в Учредительное собрание победила партия эсеров, программа которой была нацелена на максимальное удовлетворение народных чаяний: крестьянам она обещала землю, национальностям – федеративное и республиканское устройство новой России, солдатам – обращение к союзникам с требованием немедленного мира...

Эсерам оставалось только реализовать свою программу на практике, но они оказались на это неспособны. Еще имея большинство в Совете, они категорически не хотели брать власть в свои руки. Еще тогда, в сентябре 1917 г., лидер партии В. Чернов резко обвинил своих соратников во «властебоязни», в привычке «топтаться вокруг власти». После разгона Учредительного собрания Чернов сетовал, что власть не была захвачена эсерами ранее. «Надо было, – упрекал он свою партию, – не упускать, когда все шло прямо к нам в руки, а не удержался за гриву – за хвост и подавно не удержишься»^[17].

«Властебоязнь» эсеров была связана с тем, что практическая реализация их программы неизбежно вела к непримиримому конфликту, как с праволиберальными силами, так и с существующими реалиями: помещики никогда не отдали бы землю добровольно, казаки не согласились бы с рассказыванием²; союзники никогда не пошли бы на подписание немедленного мира, тем более «без аннексий и контрибуций»³:

Наглядный пример краха благих намерений эсеров и меньшевиков дал провал их инициативы проведения Стокгольмской мирной конференции: правительства США, Франции и Италии запретили выдачу паспортов своим социалистам, а британское – бойкотировало. Как констатировал американский историк Р. Уорт: «Социалисты и рабочие организации были слишком слабы, чтобы изменить политику своих правительств при помощи одних лишь нравственных протестов...», и не было «более яркого примера, чем этот решительный отказ союзников предоставить даже своим патриотически настроенным социалистам изучить почву для общего мирного урегулирования... Меньшевики и социал-революционеры... из-за стокгольмской неудачи понесли невосполнимую потерю престижа и были вынуждены уступить место тем социалистам, которые обещали вместо слов действие»^[18],⁴.

² На Всероссийском крестьянском съезде в мае 1917 г. министр земледелия Временного правительства и лидер эсеров В. Чернов заявил, что казаки имеют большие земельные наделы и теперь им придется поступиться частью своих земель. Это выступление было поддержано меньшевиками и эсерами из Советов в виде их массовой агитации за *рассказывание*.

³ Резолюция Петроградского Совета от 14.03.1917 – через две недели после Февральской революции.

⁴ Так же безрезультатно закончились продолжавшиеся почти полгода, вплоть до Октября, отчаянные попытки Временного правительства добиться от союзников проведения аналогичной конференции на государственном уровне. (См. подробнее: Уорт Р..., с. 169–172.)

«Властебоязнь» эсеров была связана не только с внешними, для них, но и с внутренними причинами. Последние обуславливались той силой, которая привела эсеров к власти. Эта сила состояла из полуграмотной, жившей еще представлениями дофеодальной эпохи, но составлявшей почти 80 % населения России, радикализованной войной и революцией крестьянской массы, которой эсеры обещали вожаемую ей веками землю.

Как же выглядело политическое лицо той силы, которая привела эсеров к победе на выборах? Ее портрет рисовал в разговоре с У. Черчиллем один из лидеров партии эсеров Б. Савинков: «Крестьяне были в хозяйственном отношении независимыми. При своем простом образе жизни они всегда могли поддерживать свое существование и помимо всех современных условий цивилизации. Из кожи зверей они делали себе одежду и обувь. Пчелы давали им и мед, заменявший им сахар, и воск для освещения. Хлеб у них был, и было мясо, и разные корни. Они пили, ели и работали в поте лица. Не для них были все эти слова: коммунизм, царизм, святая Русь, империя или пролетариат, цивилизация или варварство, тирания или свобода. Все это в теории было им безразлично, и не только в теории, но и на практике. Они были и оставались людьми земли и тяжелым трудом зарабатывали свой хлеб... В стране разрозненных хозяйственных ячеек, ничем не связанных между собой, жизнь велась по примеру Робинзона Крузо, так же удаленного от цивилизации...»^[19]

Наблюдения Г. Уэллса дополняли общую картину: «Крестьяне совершенно невежественны и в массе своей тупы, они способны сопротивляться, когда вмешиваются в их дела, но не умеют предвидеть и организовывать. Они превратятся в человеческое болото...»^[20] Это болото и поглотило все благие пожелания эсеровской партии: «В ряды эсеров, – вспоминал их лидер В. Чернов, – неудержимо стремилась пестрая и многоликая улица. Это напоминало бегство овечьего стада. Ничтожная горстка старых эсеров тщетно пыталась справиться с сырой, неоформленной массой, которая заполнила партию»^[21].

Противостоявшие эсерам праволиберальные силы, в свою очередь, никогда не согласились бы со своим поражением на выборах. Не случайно еще до того, как большевики без единого выстрела распустили Учредительное собрание, против него с оружием в руках выступили представители *либеральной партии кадетов⁵, правых партий и «белых» генералов. По их общему мнению, отраженному в словах ген. А. Деникина, рожденное в стихии бунта и насилия, «в дни народного помешательства», это Учредительное собрание «не выражало воли русского народа...»^[22]* По словам одного из лидеров кадетской партии Н. Устрялова: «Российское Учредительное собрание... было даже большей пощечиной идее демократизма, нежели даже весь большевизм»^[23]. Другой кадет, юрист, ближайший сподвижник Колчака Г. Гинс был еще более категоричен: «Я остаюсь при убеждении..., что черновское Учредительное Собрание следовало стереть с лица земли...»^[24]

Сам А. Колчак заявлял: «если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного собрания является их заслугой, это надо поставить им в плюс»^[25]. А когда ген. Л. Корнилов в своем манифесте призвал к восстановлению Учредительного собрания разогнанного большевиками, взорвался сам лидер российских либералов П. Миллюков. В своем письме ген. М. Алексею по этому поводу он обозвал Корнилова дилетантом и авантюристом^[26]. Видный представитель прежней элиты, крупный землевладелец, один из лидеров октябристов⁶ С. Шидловский признавал: «большевики, сами того не подозревая, сослужили

⁵ Кадеты – партия конституционных демократов (народной свободы), первая и крупнейшая либеральная партия России, созданная П. Миллюковым в 1905 г. из представителей интеллигенции.

⁶ «Октябристы» – «Союз 17 Октября», праволиберальная партия чиновников, помещиков, крупной торговой и промышленной буржуазии России. Названа в честь Манифеста 17 октября 1905 г.

России огромную и незабываемую службу, разогнав Учредительное собрание под председательством Чернова...»^[27]

«Белые» генералы приступили к формированию своих армий за два месяца до созыва Учредительного собрания: 2 (16) ноября 1917 г., *по направлению «Союза спасения Родины», организаторами которого «являлись, главным образом, представители кадетской партии»*^[28], на Дон прибыл ген. М. Алексеев для формирования Добровольческой армии. Создатели Белой армии Юга России считали этот день датой ее основания. Следующий шаг в развязывании Гражданской войны, по мнению американского историка П. Кенеза, сделал начальник штаба Ставки, исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего ген. Н. Духонин. 2 декабря он, полностью осознавая последствия своего шага, подписал приказ об освобождении арестованных генералов, участников корниловского мятежа^[29]. По словам Л. Троцкого, именно «эти беглые генералы (Алексеев, Деникин...⁷), положили начало гражданской войне»^[30].

9 декабря 1917 г., в День святого Георгия, началось наступление офицерской роты ген. М. Алексеева под командованием атамана А. Каледина на Ростов, в котором на выборах в Учредительное собрание и войсковое правительство большинство получили социалисты⁸. Этот день, утверждает Кенез, *«может считаться неофициальным началом Гражданской войны»*^[31].

Официально Гражданская война будет провозглашена 27 декабря лидером партии кадетов П. Милюковым.

Партии, потерпевшей на выборах в Учредительное собрание сокрушительное поражение – получившей менее 5 % голосов. В этот день лидер либералов опубликовал в «Донской речи» Декларацию, призванную легализовать Добровольческую армию, фактически ставшую *формальным документом, объявлявшим Гражданскую войну*. Инициатива создания Белой армии и развязывания Гражданской войны, уточнял «белый» ген. Н. Головин, принадлежала именно либеральной общественности: *«вся наша либеральная интеллигенция была яркой сторонницей “прямого действия”, выраженного в наиболее решительной и короткой форме. В данном случае это вылилось в убеждение, что победа над большевиками достижима легко одной только вооруженной силой»*^[32].

Большевики же, в свою очередь, получив второе количество голосов на выборах в Учредительное собрание (24 %), еще надеясь предотвратить Гражданскую войну 5 января 1918 г., созвали Учредительное собрание, потребовав от него добровольной передачи власти Советам, на основе объединения всех социалистических партий, набравших на выборах в Учредительное собрание 84 % голосов. Только этот шаг, по мнению В. Ленина, мог предупредить возникновение масштабной гражданской войны: *«есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы Гражданскую войну в России невозможной»*, – утверждал он^[33].

Не добившись своего, большевики распустили Учредительное собрание. Однако это не привело к развязыванию Гражданской войны, по свидетельству самих эсеров-депутатов, как и «белых» генералов Учредительное собрание, как и ранее Временное правительство никто не защищал^[34]. Ключевую роль в этом сыграла поддержка, оказанная большевикам левыми эсерами. Ленин в то время имел все основания заявить, что *«за большевиками, при поддержке их левыми эсерами, поддержке, давно уже осуществляемой на деле, несомненное большинство»*^[35].

⁷ Генералы Л. Корнилов, А. Деникин, А. Лукомский, И. Романовский и С. Марков.

⁸ В Ростове на выборах в Учредительное собрание большевики набрали 25 569 голосов, казаки – 14 248, кадеты – 13 677, эсеры – 7 565, меньшевики – 4 615. В войсковом правительстве казаки получили 640 тыс. голосов, эсеры – 480 тыс., большевики – 250 тыс. (Кенез П..., с. 63).

Предложение о сотрудничестве эсеров-меньшевистским Советам лидер большевиков делал еще в июле 1917 г., однако оно было отклонено. Только накануне революции левые эсеры откликнулись на призыв большевиков и вошли в состав нового правительства. «12(25) октября в Петрограде создается Военно-революционный комитет (ВРК), призванный практически осуществить *захват власти*, и в него входит более двадцати левых эсеров; 21 октября ВРК окончательно оформляется, и его *председателем* избирается *левый эсер* П.Е. Лазимир... После захвата власти левый эсер М.А. Муравьев назначается *главнокомандующим* Петроградским военным округом и начальником обороны города от «контрреволюционного» наступления войск Краснова – Керенского. 6(19) ноября Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов (ВЦИК) избирает свой Президиум, и в него входят *шесть* большевиков... и *четыре* левых эсера... 24 ноября (7 декабря) левый эсер А. Колегаев стал наркомом земледелия... К концу 1917 года левые эсеры заняли уже семь постов (из имевшихся тогда восемнадцати) в Советском правительстве и оставались на своих постах до 18 марта 1918 года, когда они категорически выступили против Брестского мира (как и многие большевики). Доля левых эсеров во всех властных органах того времени составляла не менее 35–40 %... А в ВЧК, два (из трех) заместителя председателя, то есть большевика Ф.Э. Держинского, – В.А. Александрович и Г.Д. Закс – были левыми эсерами и сохраняли свои посты даже до июля 1918 года»^[36].

«Большевики с начала октября 1917 и до середины марта 1918-го действовали в *теснейшем союзе* с партией левых эсеров»^[37]. Не случайно с Октября 1917 по март 1918 г. Советская власть была установлена по всей стране. В 79 крупных городах из 97 она укрепилась мирным путем.

Помимо союза с левыми эсерами большевики совершенно сознательно пошли на ряд дополнительных мер, направленных на предупреждение возникновения Гражданской войны. «С целью предотвратить столкновение, – отмечает С. Кара-Мурза, – большевиками было сделано много примирительных жестов: отмена смертной казни (первый декрет II Съезда Советов), освобождение без наказания участников первых антисоветских мятежей, в том числе их руководителей (генералов Корнилова, Краснова и Каледина); многократные предложения левым партиям образовать правительственную коалицию; отказ от репрессий по отношению к членам Временного правительства и перешедшим в подполье депутатам Учредительного собрания, даже отказ от репрессий против участников опасного мятежа левых эсеров в июле 1918 г. в Москве (были расстреляны лишь 13 сотрудников ВЧК, причастных к убийству посла Мирбаха) и амнистия в честь первой годовщины Октября. В целях примирения Советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение официальных запретов: летом 1918 г. издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов... Первые месяцы Советской власти породили надежды на мирный исход революции без крупномасштабной войны. О том, что эти надежды советского руководства были искренними, говорят планы хозяйственного и культурного строительства и особенно начавшаяся реализация крупных программ. Например, открытие в 1918 г. большого числа (33) научных институтов, организация ряда геологических экспедиций, начало строительства сети электростанций...»⁹ «Никто не начинает таких дел, – замечает С. Кара-Мурза, – если считает неминуемой близкую войну»^[38].

Союз с левыми эсерами, выступавшими за продолжение войны с Германией, был разрушен «Брестским миром». И именно подписание Брестского мира, по словам лидеров белого

⁹ Эта программа была предписана Декретом СНК и утверждена 30 июля 1918 г. Только в Москве и Петрограде предполагалось установить 167 памятников великим революционерам и деятелям мировой и русской культуры (например, А. Рублеву, Тютчеву, Врубелю).

движения, стало переломной точкой, вынудившей их ради спасения России от «немецкого ига» и выполнения союзнического долга выступить против большевиков.

Однако большевики оказались здесь последними, кто отказался продолжать войну. Первым 2 (15) марта 1917 г. отрекся от престола Император и Верховный главнокомандующий Русской армией Николай II. Подписывавший отречение Николая II лидер октябристов А. Гучков сложил с себя полномочия военного министра Временного правительства спустя всего два месяца – в мае, «не желая разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины». «Есть какая-то линия, за которой начинается разрушение того живого, могучего организма, каким является армия»^[39]. Реакцию среднего московского обывателя на этот шаг передавал сторонник кадетов, современник событий: *«Отказался от обязанностей военного министра А.И. Гучков. Уж если он, которому доступны все тайны войны, пришел в отчаяние от настоящего положения, то кто же теперь будет верить в доведение войны до победного конца?»*^[40]

Адмирал А. Колчак бросил командование Черноморским флотом в мае 1917 г. *без приказа*, оправдываясь: «я был поставлен в такое положение, что не мог больше командовать»^[41]. В мае Колчак утверждал на заседании правительства: «гораздо проще было идти совершенно открытым путем, просто-напросто распустить команды и прекратить деятельность флота, потому, что при таких условиях флот все равно никакой пользы не принесет»^[42]. Верховный главнокомандующий русской армией ген. М. Алексеев в начале мая заявит: *«Армия на краю гибели. Еще шаг – и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собой Россию и ее свободы, и возврата не будет. Виновны все. Вина лежит на всем, что творилось в этом направлении за последние два с половиной месяца»*^[43]. В сентябре начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего М. Алексеев также уйдет в отставку.

В июле началось наступление русской армии, которое на деле подтвердило – русской армии больше не существовало. Отступление русской армии, по словам Керенского, приняло «поистине катастрофический размах... Ни доводы, ни убеждения больше не действуют, вызывая только угрозы, порой даже стрельбу. Некоторые части оставили позиции, даже не дожидаясь приближения противника... Войска часто покидают позиции при первом огневом залпе противника. Бесчисленные колонны дезертиров, с оружием и без, растянулись на сотни верст, нисколько не думая о своевременном наказании. Порой, таким образом, дезертируют целые части...»^[44] В августе из разговора с русскими миссиями в Лондоне Колчак «вывел... что они смотрят на положение вещей очень мрачно и считают, что это *неминуемо кончится проигрышем войны и вынужденным соглашением с немцами*...»^[45]

Армия во главе со своим высшим командованием проголосовала за мир своими ногами, задолго до того, как большевики пришли к власти. Своим призывом «воткнуть штыки в землю» они лишь констатировали факт самоуничтожения армии, свершившийся еще до того, как они стали реальной политической силой.

На эту данность указывал, например, Колчак: на Черноморском флоте еще «официально такой партии большевиков не существовало... не было такого термина “большевик”», но уже «произошел общий и внутренний развал во флоте»^[46]. Деникин в свою очередь признавал: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие...»^[47] В начале того же мая 1917 г. Колчак констатировал: *«Для меня стало ясно, что войну, в сущности говоря, надо считать проигранной*, и я положительно затруднялся решить, что предпринять для того, чтобы продолжить войну... фронт у нас в настоящее время разваливается совершенно... *оказать сопротивление неприятелю невозможно»*^[48].

Воевать русская армия закончила в августе 1917 г., к чему это привело, докладывал американский генеральный консул в Москве: *«Солдаты грабят страну, устремившуюся к анархии и гражданской войне*, а армия как боевая сила перестала существовать. Ситуация

в глубине страны постоянно ухудшается. Идет разгром поместий, владельцев избивают и убивают»^[49], ¹⁰.

«“Завоеванием” Русской революции... – констатировал в итоге видный “белый” ген. Н. Головин, – было прекращение войны с центральными державами. Я настаиваю на том, что это было также “завоеванием” русской революции, ибо... истинной двигающей силой нашей революции в начале ее было стихийное стремление русских народных масс прекратить внешнюю войну. И осуществить это свое стремление они могли лишь путем свержения царского правительства, а затем устранения от власти и Временного правительства Керенского»^[50].

Как же непосредственно начинались боевые действия Гражданской войны?

¹⁰ Более подробно об эти и других событиях Революции см. в книге: Галин В. 1917. Движущие силы истории. М.: Алгоритм, 2016. (К 100-летию Русской революции).

Прелюдия

К первым выступлениям против большевиков можно отнести восстание юнкеров и поход ген. П. Краснова на Петроград. Восстание юнкеров 29 октября было единственной силовой акцией, организованной «Комитетом Спасения...» «в ожидании подхода... войск Керенского»^[51]. Восстание было быстро подавлено. «Провал восстания. Неожданная слабость наших сил и неожиданная энергия, развитая большевиками, казались нам ошеломляющими», – вспоминал его участник Станкевич^[52]. «Большевикам не трудно было справиться, – отмечал историк С. Мельгунов, – с восставшими и плохо организованными юнкерами, на помощь которым никто не двинулся из войсковых частей гарнизона. Не выступили и казаки... Летопись не отметит и участия в восстании уже “мобилизованных” к тому времени, по словам Керенского, “партийных боевых дружин”»^[53]. «Ожидавшиеся войска с фронта... не появились»^[54]. В итоге, по мнению Мельгунова, Комитет спасения¹¹ превратился в новую «говорящую»^[55].

Восстания юнкеров произошли и в других городах, и все они были подавлены: По словам организаторов восстания, «в Петрограде совершилось ужасное, кошмарное дело. Банда обезумевших, озверевших людей под предводительством сознательных убийц произвела невероятную по своей жестокости расправу над юнкерами...» По данным современника событий Суханова потери с обеих сторон составили до 200 человек^[56]. Не поддаются никакому описанию ужасы, творившиеся вчера опричниками самодержавного «Военно-революционного комитета...»¹². Однако все эти события носили крайне ограниченный характер. Так, в боях под Пулковом 30 октября участвовало не более 100 офицеров^[57]. Восстание юнкеров 29 октября... привело к тяжелым жертвам, особенно среди юнкеров Владимирского училища (погиб 71 человек...)^[58]. В Москве, оказавшейся «ареной самых длительных и упорных боев»^[59], в борьбе принимали участие менее 700 из находившихся тогда в городе десятков тысяч офицеров^[60]. Большевикам потребовалось несколько дней, чтобы сломить их сопротивление^[61]. В Киеве особенно большие потери (42 офицера убитых) понесло 1-е Киевское Константиновское военное училище^[62]. 1–3 ноября произошло выступление юнкеров в Омске, 9–17 декабря вспыхнуло офицерское восстание в Иркутске, в котором было убито 277 и ранено 568 человек с обеих сторон, не считая тех, чьи трупы унесла Ангара^[63]. Против около 800 юнкеров и 100–150 добровольцев оказалось до 20 тысяч солдат запасных полков и рабочих^[64].

Командующий московским округом полк. Рябцов до последнего не решался вмешиваться в события, по словам видного общественного деятеля Е. Кусковой, его «парализовало «отсутствие народа» в октябрьские дни. **«С кем же я бьюсь против солдат и рабочих?.. – восклицал Рябцов. – Мы не понимаем, что на стороне революции, как бы губительна она ни была, весь народ, во всех его основных слоях. Не на стороне революции лишь те, кто хочет вернуть старое...»**^[65] Провоцирование «Комитетом спасения...» и прочими подоб-

¹¹ После восстания юнкеров «Комитет спасения...» отделался легким испугом, были арестованы лишь те, кто был непосредственно замешан в восстании. 31 октября были освобождены все «юнкера-социалисты», принимавшие участие в мятеже. Другой пример – приговор одному из злейших противников большевиков, призывавшему расправляться с ними «публичными расстрелами и виселицей» – В. Пуришкевичу, принявшему со своей организацией участие в юнкерском восстании. «Приговор Пуришкевичу, по словам Мельгунова, был очень мягкий: 4 года условно производительных общественных работ при тюрьме» (Мельгунов С. Как большевики... с. 278).

¹² «Неизгладимое впечатление» произвело на современников “кровавое воскресенье”..., но только театры и кинематографы под аккомпанемент артиллерийской пальбы в это воскресенье были... переполнены...» (Мельгунов С. Как большевики... с. 284, 285).

ными организациями восстаний юнкерской молодежи, в существовавших условиях, было даже не авантюрой, а прямым ее убийством, утверждал позже «белый» ген. Н. Головин: «Юнкерская молодежь была брошена на верную гибель»^[66].

Юнкеров организаторы восстаний использовали как слепую, неопытную юношескую силу. «Эти молодые люди, – характеризовал юнкеров и офицеров Деникин, – пытались преодолеть все мировые проблемы, но делали это очень простым способом... Система ценностей для офицеров была преопределенная, как непоколебимый факт, не вызывающий ни сомнений, ни разногласий... Отечество воспринималось с пылкостью и страстностью, как единый организм, включающий в себя и страну и людей, без анализа, знания его жизни, без копания в темных глубинах его интересов... Молодых офицеров едва ли интересовали социальные вопросы, которые они считали чем-то странным и скучным. В жизни они их просто не замечали; в книгах страницы, касающиеся социальных прав, с раздражением переворачивались, воспринимались как нечто, мешающее развитию сюжета... Хотя, в общем, и читали они не много...»^[67]

Отряд ген. П. Краснова тем временем практически без выстрела взял Царское Село, «победа была за нами, но она, – по словам Краснова, – съела нас без остатка»^[68]. «Маленький красновский отряд¹³ просто потонул в море разложившихся “нейтральных” гарнизонов^[69], – отмечал Мельгунов, – солдатская масса – с обеих сторон – была настроена против “братоубийственной” войны»^[70]. Например, представители Амурского казачьего полка заявили, что «в братоубийственной войне принимать участия не будут»^[71]. Донской полк даже отказался брать ружейные патроны, поскольку «не желает братоубийственной войны»^[72].

Керенский упрекал Краснова, что в этой ситуации, последний больше прибегал «не к силе оружия, а к переговорам, речам и увещаниям»^[73]. Причина такого поведения Краснова, отвечал Деникин, крылась в том, что: «никаким влиянием офицерство не пользовалось уже давно. В казачьих частях к нему также относились с острым недоверием, тем более что казаков сильно смущали их одиночество и мысль, что они идут “против народа”... И у всех было одно неизменное и неизбывное желание – окончить как можно скорее кровопролитие. Окончилось все 1 ноября бегством Керенского и заключением перемирия между ген. Красновым и матросом Дыбенко»^[74].

Краснов пошел на перемирие, поскольку, по словам Милюкова, «понял, что течение несло (массы) неудержимо к большевикам»^[75]. «Официальным соглашением о перемирии по существу, бесспорно явилось соглашение о прекращении гражданской войны, и именно так это соглашение и понималось обеими сторонами...», – вспоминал комиссар Временного правительства Северного фронта Войтинский^[76]. П. Краснов, арестованный большевиками, спустя месяц будет отпущен на свободу под честное слово.

Ставка Верховного главнокомандующего отреагировала на большевистский переворот произведя 25 октября «опрос главнокомандующих фронтов, имеются ли в их распоряжении войсковые части, которые безусловно поддержали бы Временное правительство». Ген. Балцев с Западного фронта ответил: «Ни на одну часть поручиться не могу, большинство же частей, безусловно, не поддержит»^[77]. Комиссар Румынского фронта Тизенгаузен: «Двинуть с фронта войска для защиты Временного правительства вряд ли возможно»^[78]. Общее настроение отражали слова ген. П. Балцева: «Наша, начальства, в настоящее время задача должна заключаться в держании фронта и недопущении в войсках междоусобных и братоубийственных столкновений»^[79].

¹³ Под началом П. Краснова во время похода на Петроград было всего 700 казаков (Мельгунов С. Как большевики..., с. 228).

В этих условия начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Духонин 1 ноября дал приказ остановить движение воинских эшелонов к Петрограду. «В ожидании разрешения кризиса, – продолжал он, – призываю войска фронта спокойно исполнять свой долг перед родиной, дабы не дать противнику возможности воспользоваться смутой, разразившейся внутри страны, и еще более углубиться в пределы родной земли»^[80]. **«Вооруженная борьба закончилась, – констатировал С. Мельгунов, – Это означало победу большевиков»**^[81].

Подобно красновскому закончились столкновения и в казачьих областях на Юге России, инициатором которых выступил ген. А. Каледин. Так, 3 декабря он приказал алексеевским офицерам разоружить 272-й пехотный полк, располагавшийся в Новочеркасске и отказавшийся признать донское правительство. Полк позволил разоружить и распустить себя без сопротивления и единого выстрела^[82]. Несколько позже в том же декабре под Новочеркасском сошлись 15-й пехотный полк большевиков и 35-й казачий полк Каледина. Но солдаты и казаки отказались сражаться друг с другом. Они расположились в нейтральной зоне по соглашению, и ни одна сторона не выполняла приказы офицеров стрелять^[83]. Подобная ситуация произошла 9 декабря в Ростове, когда казаки ген. Потоцкого отказались сражаться с большевиками и сложили оружие^[84].

Попытка навязать Гражданскую войну силой приводила к трагическим результатам. Примером может быть обращение А. Каледина к алексеевской организации, когда казаки отказались по его призыву атаковать красных в Ростове. Ген. Алексеев отдал в распоряжение Каледина около 400–500 офицеров, которые к 15 декабря выбили превосходящие войска красных из Ростова^[85]. Но победа оказалась страшнее поражения – против Каледина выступили свои же казаки. И 28 января (10 февраля) генерал Корнилов был вынужден бросить Дон и уйти на Кубань^[86]. В результате атаман войска Донского остался к 29 января (11 февраля) 1918 г. всего со 147 штыками! Походный атаман А. Назаров в ответ на запрос Каледина констатировал, что «казаки драться не желают»^[87]. В своем последнем выступлении Каледин отметил: **«Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно... В тот же день ген. Каледин выстрелом в сердце покончил с жизнью»**^[88].

Но это не остановило генералов Л. Корнилова и М. Алексева, прибывших на Юг России, и провозгласивших своей целью «освободительную войну» для свержения немецко-большевицкого ига еще в ноябре 1917 г. Население городов Донской области не хотело принимать добровольцев. Поэтому Каледин приютивший Алексева был вынужден предложить Добровольцам для размещения города Ставрополь или Камышин, но население этих городов было настолько враждебно настроено, что малочисленной армии, по мнению П. Кенеза, вряд ли удалось бы выжить в неказацкой земле^[89].

Каледин был вынужден разместить прибывающих офицеров нелегально под видом больных и раненых в одном из госпиталей во избежание трений с местным населением. Офицерам запрещалось покидать госпиталь. На 17 ноября 1917 г. армия состояла из 40 человек, к концу ноября ее численность выросла до 300 человек. Позже Каледин использовал офицеров как полицейские силы под командованием казачьих офицеров, сдерживающих дезертиров на железнодорожных станциях. За это донское правительство платило офицерам и вооружало их^[90].

Численность откликнувшихся на призыв добровольцев оказалась ничтожной. Огромный по численности Румынский фронт дал всего около 900 добровольцев офицеров. Одесса, в которой насчитывалось до 15 000 офицеров, не прислала ни одного^[91]. «На Кавказских курортах, – сообщал ген. И. Эрдели, – было множество преимущественно гвардейских офицеров, из

них не откликнулся ни один. В самом большом городе края, Ростове, все кафе и панели были полны молодыми и здоровыми офицерами, но только единицы пошли на призыв своих бывших главнокомандующих. Донское офицерство, в несколько тысяч человек, вовсе уклонилось от борьбы»^[92]. В крупнейшем городе Дона Ростове смогли сформировать вместо полка всего лишь офицерскую роту около 200 человек. В Кубанский поход из нее последовала едва одна треть^[93]. Во втором по величине городе Дона Таганроге в Добровольческую армию вступило всего около 50 человек^[94].

Бывший Верховный Главнокомандующий многомиллионной русской армии ген. Л. Корнилов к январю месяцу 1918 г. располагал отрядом всего в три-четыре тысячи человек, состоявшим из офицеров, учащейся молодежи и юнкеров. Поражала молодость добровольцев, в их ряды было разрешено записываться с шестнадцати лет. По свидетельству Б. Суворина, ген. М. Алексеев образно жаловался ему: «Я уже вижу монумент, воздвигнутый в память об этих погибших детях...»^[95]

Первыми шагами Добровольческой армии стал захват двух крупнейших городов Дона – Ростова и Таганрога. Одной из причин активизации армии стало желание избавиться от вмешательства в ее дела донского правительства. В Новочеркасске армия сталкивалась со скрытой неприязнью, а иногородние были настроены по отношению к добровольцам еще более враждебно, чем казаки. Из-за растущего недовольства населения Каледину пришлось просить генералов покинуть Новочеркасск^[96]. Однако с настоящей ненавистью белогвардейцы столкнулись лишь в захваченных ими городах.

27 января восстали рабочие Таганрога. Когда солдат убил рабочего Балтийского завода, похороны превратились в политическую демонстрацию с участием нескольких тысяч рабочих... *«Сражение, развернувшееся в городе, было не похоже ни на один бой с самого начала революции. Рабочие и солдаты стреляли друг в друга не по принуждению. Ожесточенность боев, по мнению П. Кенеза, была первым проявлением природы Гражданской войны»*. О переговорах не шло даже и речи. Когда у двенадцати рабочих закончились боеприпасы и они были захвачены, солдаты выкололи им глаза, отрезали носы и закопали живыми... Другая сторона в долгу не осталась. Белые солдаты, окруженные в винном погребе, были сожжены живыми^[97]. В Ростове рабочие ненавидели белых так сильно, что главной проблемой стала защита офицеров... ненависть рабочих к офицерам становилась все более яркой и открытой... Ростов был на грани кровавой бойни^[98].

Красная армия вошла в Ростов 23 февраля, а спустя два дня солдаты Военно-революционного комитета захватили Новочеркасск. По мнению П. Кенеза, большевики допустили огромный промах в том, что позволили Добровольческой армии покинуть Ростов. Однако В. Антонов-Овсеенко был больше обеспокоен немецким вторжением на Украину и не мог уделить достаточного внимания уничтожению остатков «белых» сил^[99]. К концу февраля 1918 г. советская власть была признана на всей территории России.

Добровольческая армия под командованием Корнилова, вытесненная с территории Дона, в конце февраля была вынуждена начать свой 1-й Кубанский поход¹⁴. С самого начала «ледяного похода», отмечает П. Кенез, «армия не могла не заметить невероятно враждебного отношения к ней местного населения»^[100]. На Ставрополье, через которое проходил маршрут добровольцев и где несоциалисты получили менее 3 % мест на выборах в Учредительное собрание, население воспринимало добровольцев как врагов^[101].

На Кубани, как и на Дону, добровольцы столкнулись с тем, что казаки не были настроены на развязывание Гражданской войны. Даже лучшие казачьи части, например 1-й Черноморский полк, прибывший с фронта в Екатеринодар в прекрасном состоянии (так же, как и 6-й полк на Дону), отказался подчиниться приказу Рады идти сражаться против большевиков и

¹⁴ Он получил название «ледяного», из за форсирования добровольцами по льду реки Дон.

был распущен^[102]. Основу антибольшевистских войск на Кубани, как и на Дону, составил отряд добровольцев из 700 русских офицеров под командованием капитана Покровского («невероятно храбр и решителен..., очень амбициозен, зол и без моральных принципов»^[103]), которых атаман Кубани А. Филимонов (как и Каледин на Дону) взял на свое довольствие.

Большевистское правительство еще 30 января предъявило ультиматум, чтобы Кубанская Рада, провозгласившая 28 января независимую Кубанскую Республику, признала правительство Петрограда и распустила все добровольческие формирования. Рада отказалась, но в первом сражении защищать столицу Кубани пришлось только русским офицерам^[104]. После захвата красными Екатеринодара большевики предложили мирные переговоры, но бывшая Рада отказалась, надеясь на помощь подходившего отряда Корнилова^[105]. Но эта помощь не пришла.

Отряд Корнилова вернулся из своего первого Кубанского похода в начале мая туда, откуда и была начата кампания в пограничные земли между Ставропольской областью, Доном и Кубанью. Деникин вспоминал: «Первый кубанский поход – Анабазис Добровольческой армии – окончен... Вышла в составе 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч¹⁵, пополненная кубанцами. Начала поход с 600–700 снарядами, имея по 150–200 патронов на человека; вернулась почти с тем же. Все снабжение для ведения войны добывалось ценой крови. В кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов; вывезла более полутора тысяч раненых; много их еще оставалось в строю; много было ранено по несколько раз...»^[106]

Вот почти все, что было у белых армий в начале Гражданской войны. Народ и солдаты за ней не пошли. Даже казаки, которых генералы считали верной опорой, упорно не желали принимать участия в развязывании Гражданской войны. Ген. М. Алексеев в этой связи признавал «наличные силы казачьего союза “ничтожны”, “с ними на внешние предприятия, конечно, идти нельзя”»^[107]. «Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонилось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую армию единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества», – вспоминал А. Деникин^[108].

Не хотело вступать в эту войну и большинство офицерства: Киев и Харьков, «где в те дни (май 1918 г.) жизнь была ключом, представлял(и) собой разительный контраст умирающей Москве. Бросалось в глаза обилие офицеров всех рангов и всех родов оружия, фланирующих в блестящих формах по улицам и наполнявших кафе и рестораны... Им как будто не было никакого дела до того, что совсем рядом горсть таких же, как они, офицеров вели неравную и героическую борьбу с красным злом, заливавшим широким потоком просторы растерзанной родины»^[109]. Один из первых добровольцев на Волге писал: «каждый боевой день приносил потери, а пополнения не было... Раненые офицеры после выздоровления возвращались в строй и передавали нам, что каждый каба́к набит людьми в офицерской форме, все улицы также полны ими...»^[110]

«Ростов поразил меня своей ненормальной жизнью, – вспоминал другой доброволец. – На главной улице, Садовой, полно фланирующей публики, среди которой масса строевого офицерства всех родов оружия и гвардии, в парадных формах и при саблях... На нас – добровольцев – как публика, так и “господа офицеры” не обращали никакого внимания, как бы нас здесь и не было!..»^[111] «Тысячи офицеров из разбежавшихся с фронта полков бродили по городу

¹⁵ Из них: 3 ген., 8 ген. – лейтенантов, 25 ген. – майоров, 199 полковников, 50 подполковников, 215 капитанов, 251 штабс-капитан, 394 лейтенанта, 535 корнетов, 688 прапорщиков, 364 унтер-офицера, 437 юнкеров, 235 капралов, 15 моряков, 148 человек медицинского персонала и 118 писарей. 200 чехословаков из технического отряда.

и с равнодушием смотрели, как какие-то чудаки в офицерской форме с винтовками на плечах несли гарнизонную службу»^[112]. Наступление большевиков на Ростов сдерживали всего несколько сот офицеров, юнкеров, гимназистов и кадет, а панели и кафе города были полны здоровыми офицерами, не поступавшими в армию. После взятия Ростова большевиками их комиссар Колюжный жаловался на страшное обременение работой: тысячи офицеров являлись к нему с заявлением, «что они не были в Добровольческой армии»^[113].

«*“Всенародного ополчения” не вышло*», – признавал ген. А. Деникин. «Отозвались офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень, очень мало прочих городских и земских русских людей». Буржуазия проявила полнейшее равнодушие, и в конце концов из трехсоттысячного корпуса офицеров и миллионной буржуазии *в армию поступали только дети*»^[114]. Сообщение американского консула Пуля в феврале 1918 г. дополняло общую картину: «В формируемой сейчас Добровольческой армии пока нет пехоты, достойной упоминания, а имеющаяся артиллерия практически остается без боеприпасов. С военной точки зрения положение донского правительства прискорбно слабое. Для успеха ему срочно нужны деньги, боеприпасы и снаряжение...»^[115]

Белое движение не имело изначально ни людских, ни материальных ресурсов и было обречено. Следовательно, была обречена и широкомасштабная Гражданская война, с ее огромными жертвами и разрухой. Попытки ее развязать закончились бы, относительно малокровным подавлением мятежа «белых» генералов. Остальные противники большевиков не были вооружены, организованны и опасны, как военная сила, они не представляли из себя угрозы. Как отмечает П. Кенез: «Неважно, какими бы героями не были эти несколько тысяч мужчин, большевики перебили бы их без лишних сложностей»^[116].

Один из основателей антибольшевистского КОМУЧа эсер П. Климушкин признавал, что: «уже в то время можно было вызвать Гражданскую войну, (но) мы понимали, что это кончилось бы печально, ибо реальных сил для поддержки движения со стороны населения и рабочих не было. Нельзя было надеяться и на самих солдат... Мы видели, что *если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя*»^[117]...

Что же заставило изможденную, смертельно уставшую от войны армию, массами бежавшую с фронта, снова взять в руки оружие и воевать «до смерти...»^[118]?

Настроения по обе стороны фронта в то время отражают воспоминания члена «белого» правительства Северной области эсера Б. Соколова: «Пассивность как основа, пассивность как повседневность проходила красной нитью через жизнь нашего фронта. Этому отвечало и настроение красных войск, стоявших по ту сторону окопов... Несмотря на холода, отсутствие жилых помещений – красные войска были из рук вон плохо одеты и еще хуже кормились. Все это еще больше усиливало пассивность, я бы сказал, отупелость красных солдат. Они шли в атаку, они защищали позиции, сдавались в плен или отходили, но все это делалось в каком-то полусне, не понимая ни к чему это, ни для кого, ни во имя чего. Они также безропотно умирали... Иногда я до боли в душе удивлялся, как раненый, и раненый тяжело красноармеец, переносил свои поистине ужасные раны... Терпелив русский человек. Терпелив и глубочайше пассивен. И подобно тому, как белые солдаты были весьма безразличны к интересам государственным, областным, также и красные солдаты были чужды интересам Советской Республики. И, беседуя с красными солдатами, я тщетно пытался уловить у них хоть крупицу, хоть частицу общенациональных настроений, их не было. Была лишь полная пассивной грусти тяга к дому»^[119]. Эти чувства в начале Гражданской войны владели подавляющим большинством солдат по обе стороны линии фронта.

Не случайно введение мобилизационного комплектования вызвало мощную волну дезертирства в обеих противоборствующих армиях. В Красной армии, по данным авторов «Чер-

ной книги коммунизма», «число дезертиров в 1919–1920 годах оценивается в три с лишним миллиона. В 1919 году было задержано и арестовано ВЧК и специальными комиссиями по борьбе с дезертирством около 500 тыс. человек; в 1920 году – от 700 до 800 тысяч. От полутора до двух миллионов дезертиров, в подавляющем большинстве крестьян, отлично знавших местность, смогли, тем не менее, избежать поимки»^[120]. «Страдавшая от дезертирства Красная армия, которая, хотя и считалась теоретически весьма многочисленной (от 3 до 5 миллионов человек), в действительности никогда не могла выставить более 500 тысяч вооруженных солдат»^[121]. После объявления мобилизации на призывные пункты, подтверждал красный командарм А. Егоров, явилось всего около 20 % военнообязанных. Дезертировали и уже мобилизованные, так на примере Южного фронта, даже во второй половине 1919 г. дезертиры и отставшие составляли 14 %^[122].

Однако при непредвзятом взгляде практически невозможно подложить под дезертирство идеологическую подкладку, ведь оно началось задолго до появления Красной армии. Британский военный представитель А. Нокс уже в январе 1917 г. сообщал о миллионе дезертиров в царской армии: «Эти люди живут в своих деревнях, власти их не беспокоят, их скрывают сельские общины, которым нужен их труд»^[123]. Февральская революция вызвала новый всплеск дезертирства. Французский посол М. Палеолог спустя всего полтора месяца после ее свершения отмечал: «*Анархия поднимается и разливается с неукротимой силой... В армии исчезла какая бы то ни было дисциплина...* Исчисляют более чем в 1 200 000 человек количество дезертиров, рассыпавшихся по России...»^[124]. С Февраля по ноябрь 1917 г., по данным приводимым ген. Н. Головиным, дезертировало почти 200 000 солдат ежемесячно, всего за период около 1 518 тыс. человек^[125].

Очередная волна дезертирства поднялась благодаря «белой» и «красной» мобилизации. Большинство крестьян откровенно не понимали политических лозунгов ни тех, ни других. Так, в августе 1919 г. из Смоленской губернии писали: «*У нас был приказ идти на военную службу, но в деревне говорят: «За что мы будем воевать, на кого, друг на друга и брат на брата?»*»^[126].

Вспоминая о трудностях с комплектованием «Белой армии» участник событий Г. Раковский отмечал, что: «крестьянство с необычайной стойкостью и упорством уклонялось от участия в гражданской войне. Суровые репрессии, драконовские приказы о мобилизации не могли парализовать массового, чуть ли не поголовного дезертирства из рядов «Русской армии»»^[127]. Дезертировали не только мобилизованные солдаты, но и офицеры, служащие... На Юге России, по словам Деникина: «Чувство долга в отношении отправления государственных повинностей проявлялось слабо. В частности дезертирство приняло широкое, повальное распространение. Если много было зеленых в плавнях Кубани, то не меньше “зеленых” в пиджаках и френчах наполняло улицы, собрания, кабаки городов и даже правительственные учреждения. Борьба с ними не имела никакого успеха»^[128]. «Многочисленное одесское офицерство (также) не спешило на фронт. Новая мобилизация не прошла: по получении обмундирования и вооружения большая часть разбегалась, унося с собой все полученное»^[129].

Дезертирство было массовым явлением и в казачьих частях: «С фронта началось повальное дезертирство, не преследуемое кубанской властью. Дезертиры свободно проживали в станицах, увеличивали собою кадры «зеленых» или, наконец, находили себе приют в екатеринодарских запасных частях – настоящей опричнине...», – вспоминал А. Деникин^[130]. И казачьи атаманы также были вынуждены ввести принудительную мобилизацию, все станичники обязывались вступить в ряды восставших или предстать перед военным судом «за измену». Дезертиры, уклонявшиеся от «казачьего дела», должны были быть казнены^[131]. В марте 1919 г. новый атаман Богаевский издает приказ о создании специальных отрядов из надежных казаков для ловли дезертиров, с придачей к ним полевых военных судов: «Наказания, применяемые судом, должны быть только двух видов: 1) порка розгами или плетью; 2) смертная казнь. При опре-

делении наказания не стеснять судей никакими законами, а судить по целесообразности и по совести»^[132].

На севере России глава правительства Н. Чайковский сообщал союзникам, «что лишь трое офицеров из 300, которых он ожидал, подчинились приказу о мобилизации...»^[133] Приказ Главнокомандующего Северным фронтом ген. Е. Миллера гласил: «До сих пор многие жители г. Архангельска не явились для регистрации в Национальное ополчение...» Генерал приказал лишить ослушников продовольственного пайка, а тех, кого и эта мера не вразумит, отправить в ссылку»^[134]. О попытке мобилизовать интеллигенцию в ополчение докладывал начальник ополчения ген. Савич: «Мобилизованные на фронт идти не пожелали..., ибо они попали в ополчение после того, как их притянули туда силой... Они способны умереть от одной мысли, что они могут попасть на фронт»^[135].

Даже при мобилизации в Народную армию КОМУЧа, по свидетельству его члена П. Климушкина, «призыв, конечно, не удался... Призыв новобранцев в большинстве сел был встречен отрицательно, а в некоторых местах... даже враждебно», одновременно с этим «из армии началось дезертирство настолько сильное, что КОМУЧ... вынужден был назначить за дезертирство, как меру наказания, смертную казнь»^[136].

В Сибири, указывал А. Колчак, в тылу армии и во многих городах среди населения «появились отвратительные явления... уклонения под разными предлогами от величайшего долга перед родиной – военной службы...»^[137] Один из боевых полковников колчаковской армии в отчаянии писал: «Неужели не найдется у вас там в тылу человека граждански мужественного, который не убоится крикнуть во всю глотку всем этим тыловым негодьям, забывшим фронт и тех, за спиной которых они спокойно устроились, что пора проснуться, прекратить вакханалию, веселье в кабаках и личные дразги и интриги из-за теплых местечек...»^[138] Член правительства адмирала Г. Гинс вспоминал: «Армия и вместе с ней боевое офицерство раздеты, разуты и голодны. Тыловые учреждения переполнены офицерством...»^[139]

Дезертирство представляло собой только часть проблемы, мобилизованные, по наблюдениям ген. В. Марушевского, делились на две категории: старых солдат, «уже прошедших школу разложения в революционный период», и новобранцев, которые были лучшими элементами, т. е. людьми «с еще не разложившейся нравственностью»^[140]. Марушевский делился личным опытом от посещения одной из частей Северной области: «Лица солдат были озлоблены, болезненны и неопрятны. Длинные волосы, небрежно одетые головные уборы, невычищенная обувь. Все это бросалось в глаза старому офицеру, и видна была громадная работа, которую надо было сделать, чтобы взять солдат в руки. Все эти мелочи имеют громадное значение, и вовсе не надо было быть Шерлоком Холмсом, чтобы определить..., что дисциплины в части нет...»^[141]

Какими же мерами водворяли дисциплину и боролись с дезертирством в армиях того времени?

Большевики

Одним из первых постановлений Советской власти смертная казнь была отменена. Возмущению В. Ленина не было предела. Председатель ВЦИК Л. Каменев оправдывался, что был отменен введенный Керенским закон о смертной казни для дезертиров-солдат. «Вздор, – отвечал Ленин. – Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придаст значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить? Ошибка, – повторял он, – недопустимая слабость, пацифистская иллюзия...»^[142] Через четыре месяца после отмены декретом СНК «Социалистическое отечество в опасности» смертная казнь была восстановлена.

Л. Троцкий приказывал: «Дезертирство – расстрел, нарушение дисциплины – расстрел. Одним из важнейших принципов воспитания нашей армии является не оставление без наказания ни одного проступка. Репрессии должны следовать немедленно». Троцкий применял методы времен Чингисхана и римских легионов, расстреливая за самовольное отступление каждого десятого^{16, [143]}. Обосновывая жестокость своих приказов, Троцкий утверждал: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной позади».

О масштабе явления говорят статистические справочники. По их данным, доля дезертиров в Красной армии сразу после призыва составила 18–20 %, побеги из войсковых частей – 5–7 %. Из общего количества задержанных за семь месяцев 1919 г. (1,5 млн чел.) направлено в штрафные части 55 тыс. чел., приговорено к лишению свободы (условно и безусловно) 6 тыс. чел., к расстрелу – 4 тыс. чел., из них фактически расстреляно 600 чел.^[144] В 1920 г. реввоен-трибуналы рассмотрели дела 106 966 человек, из них расстреляны 5757 (5,4 %), в том числе и за бандитизм. Губернские трибуналы приговорили тогда к расстрелу 4 % осужденных^[145].

¹⁶ Впервые децимация была проведена в Свияжске 14 августа 1918 г., по решению трибунала были расстреляны 27 красноармейцев, вместе с командиром и комиссаром полка (Литвин А.Л..., с. 62).

Царское правительство

Общее мнение в данном случае отражали слова выпускника элитной Военно-юридической академии полковника Р. Раупаха, принимавшего участие в Первой мировой в качестве военного юриста: «на войне... всякое наказание освобождало виновника от смертельной опасности боя, (а следовательно) оно являлось не наказанием, а побудительной причиной к совершению преступления. *На фронте устрашающее значение имеет только смертная казнь, ибо только она одна обращает возможную утрату жизни в окопах в неизбежную ее потерю при расстреле*»^[146].

И царское правительство, не колеблясь, использовало эту меру, например, в ответ на попытку «революционизировать» одну из частей, предпринятую кадетами накануне Февральской революции. В начале января 1917 г. 17-й сибирский стрелковый полк отказался идти в атаку и предъявил политические требования кадетов – конституционное правление с ответственным министерством. Часть войск II и VI сибирских корпусов присоединилась к 17-му полку. Восстала 14-я сибирская дивизия и вместе с 3-й сибирской дивизией стала отступать, а частично разбежалась, побросав патроны. Царское правительство, еще контролировавшее ситуацию, карательными мерами восстановило дисциплину. Полевым судом было приговорено к расстрелу 92 человека, многие сотни солдат сосланы на каторгу^[147]. Другой пример демонстрирует подавление бунта солдат, отказавшихся стрелять в рабочих во время забастовки на Петроградских заводах 31 октября 1916 г. и повернувших свое оружие против полицейских. 150 солдат спустя десять дней были расстреляны^[148].

Пока царская власть была в силе, «эта толпа шла воевать, – отмечал Раупах, – потому что власть ей это приказала и она не смела ее ослушаться, но когда с властью пало и внешнее насилие, тогда других стимулов к продолжению войны не было, и осознав, прежде всего, что теперь никто не смеет заставить их воевать, вооруженный народ в лице миллионов солдат побежал с фронта»^[149].

Союзники России в Первой мировой войне

Ф. Гибс, британский участник войны, определял смертную казнь в качестве одной из первых причин стойкости западных войск: «Лояльность к своей стороне, *дисциплина с угрозой смертной казни, стоящей за ней*, направляющая сила традиции, покорность законам войны или касте правителей, вся моральная и духовная пропаганда, исходящая от пасторов, газет, генералов... стариками дома..., глубокая и простая любовь к Англии и к Германии, мужская гордость... – тысяча сложных мыслей и чувств удерживали людей по обе стороны фронта от обрыва опутавшей их сети судьбы, от восстания против взаимной непрекращающейся бойни»^[150].

Военный министр Франции Мессими в одном из ответов на сообщение об отступлении французской армии писал: «Я получил вашу телеграмму, сигнализирующую об упадке духа. Против этого *нет другого наказания, кроме предания немедленной казни*: первыми должны быть наказаны виновные офицеры. Для Франции существует сейчас только один закон: победить или умереть»^[151]. «Мильеран, сменивший на посту военного министра Мессими, издал 1 сентября 1914 г. циркуляр, коим предписывалось военному командованию не передавать на рассмотрение правительства ходатайства о смягчении приговоров военных судов по делам “об упадке духа”, а Пуанкаре отказался от... прерогативы помилования в отношении осужденных на смерть солдат»^[152].

Два примера касались русских солдат, сражавшихся во Франции: в августе 1916 г. одна из русских бригад взбунтовалась, порядок был водворен решительными действиями французских войск, по итогам около 20 взбунтовавшихся солдат были расстреляны^[153]. Второй случай произошел через полгода в 1917 г. «Получив известие о Февральской революции в России, солдаты отказались сражаться на Западном фронте, и потребовали возвращения домой. В ответ полки были разоружены... Солдаты были отправлены на каторжные работы в Африку и лишь немногим удалось затем вернуться домой»^[154].

В итальянской армии «дисциплина... отличалась большей жесткостью. Так было, поскольку итальянский главнокомандующий ген. Л. Кадорна считал, что социальная неустойчивость его армии требует наказаний за дисциплинарные нарушения со строгостью, какой не знала ни немецкая армия, ни ВЕР¹⁷ – например, массовые казни и наказание по жребью»^[155].

¹⁷ Британский экспедиционный корпус.

Временное правительство

Почти на следующий день после Февральской революции либеральное правительство отменило смертную казнь. Боевой ген. П. Балув в ответ недоумевал: «запрещение смертной казни в армии было ошибкой: *если правительство отправляет людей умирать от вражеских пуль, почему оно дает трусам и предателям возможность сбежать?*»^[156]. Недоразумение продлилось до первого серьезного наступления. По его итогам комиссары Временного правительства Б. Савинков и М. Филоненко телеграфировали: «*Выбора не дано: смертная казнь изменникам; смертная казнь тем, кто отказывается жертвовать жизнью за Родину*»^[157]. Ответ А. Керенского гласил: «Я полностью одобряю истинно революционное и в высшей степени правильное решение... в этот критический момент»^[158]. Смертная казнь была восстановлена 11 июля.

Первые заградотряды были введены по инициативе ген. Л. Корнилова, который «отдал приказ расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных с соответствующими надписями на дорогах и видных местах; сформировал особые ударные батальоны из юнкеров и добровольцев для борьбы с дезертирством, грабежами и насилиями...»^[159] «*Главномандующим, с согласия комиссаров и комитетов, отдан приказ о стрельбе по бегущим*, – гласил приказ Корнилова, – Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость обрушиться на всех, кто малодушием губит и предает Россию и революцию»^[160].

Корнилов обосновывал эти меры тем, что «армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования. Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах. Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов»^[161].

Декларация Временного правительства восстановила военно-революционные суды, заменившие собой прежние военно-полевые, и предоставила право воинским начальникам расстрела без суда. Адвокат Керенский отстаивал это право тем, что: «Убийство человека по приговору законного суда, в соответствии со всеми правилами и нормами официального ритуала казни, является великой “роскошью”, которую может позволить себе лишь государство с отлаженным административным и политическим аппаратом...»^[162]

Однако было уже поздно. Командующий 11-й армией ген. П. Балув впадал в отчаяние: «Ознакомившись с духом армии, я в ужасе, я потрясен от того, какая опасность и позор ожидают Россию. Время не ждет... Параграф 14 Декларации (то есть право расстреливать на месте) исполнять нельзя, потому что командир в одиночку противостоит сотням и тысячам вооруженных людей, склонных к побегу...»^[163] Правда, по словам лидера эсеров В. Чернова, случались и исключения: «на московском государственном совещании некоторые хвастались, что за нарушение воинской дисциплины без колебаний приказывали *расстреливать целые полки*»^[164].

К этому времени речь уже шла о введении смертной казни не только на фронте, но и в тылу. На Московском совещании Керенский провозглашал: *смертная казнь в тылу* – «мера очень мучительная. И пусть никто не отважится создавать нам неудобства в этом деле своими необусловленными требованиями. Этого мы не допустим. Мы лишь скажем: “Если все разрушения, малодушие и трусость, предательские убийства, нападения на мирных жителей, поджоги, грабежи – все это будет продолжаться, несмотря на наши предупреждения, правительство будет бороться с этим ныне предложенными мерами”»^[165].

Но и этого, казалось, уже недостаточно, Корнилов требовал большего, однако здесь даже Керенский дрогнул: «Идея Корнилова и Филоненко ввести смертную казнь как особый вид наказания против забастовок, локаутов, дезорганизации на транспорте и подобных происшествий слишком оригинальна, чтобы ее можно было приложить к любому государству, которое в целом цивилизовано»^[166].

Союзники-интервенты

Американский военный представитель Джадсон сообщал своему послу: «В результате неспособности или нежелания Керенского восстановить дисциплину Временное правительство не могло далее существовать»^[167]. Джадсон пояснял, что укрепление дисциплины означает смертную казнь за дезертирство, заговор, бунт, насилие и неповиновение: «Легко предсказать, что без скорого восстановления жесткой дисциплины страна сползет к анархии, за которой в свое время последует приход сильной власти старого авторитарного типа». Он настаивал на необходимости «оказывать с этой целью сильнейшее давление, немедленно, постоянно и одновременно» на Временное правительство^[168].

Американский посол в России Д. Фрэнсис поначалу давал волю воображению: «я могу понять чувства солдат по этому поводу, но политики вроде меня понимают человеческую натуру гораздо лучше, и могу вас заверить, что русская армия никогда не уйдет, будет биться, как лев, вдохновленная духом вновь обретенной свободы»^[169]. Но вскоре и он стал требовать от Временного правительства немедленного введения смертной казни. Вопрос был настолько важен, что Фрэнсис детально докладывал о его состоянии в Вашингтон: «Керенский обещал вновь ввести в армии смертную казнь». Министр иностранных дел М. Терещенко «заверил, что Совет министров восстановит в войсках смертную казнь...»^[170]

Английский посол в России Дж. Бьюкенен заносил в дневник: «Керенский отстаивал в Совете министров применение смертной казни за некоторые государственные преступления, как для военных, так и гражданских лиц, но *кадеты возражали против применения ее к последним, опасаясь, что смертной казни могут быть подвергаемы лица, подозреваемые в возбуждении контрреволюции*. Я возразил, что каковы бы ни были у правительства основания для осторожного образа действия в прошлом, сейчас оно не может терять времени; так, не говоря уже о военных перспективах, экономическое положение настолько серьезно, что если не будут приняты немедленно самые решительные меры, то зимой могут возникнуть серьезные затруднения»^[171].

Английский ген. Пуль, на единственной территории, где интервенты распоряжались, как хозяева – на Севере России, издавал приказы о введении военного положения, о немедленной сдаче оружия, о введении цензуры и т. д. О том, что ожидало провинившегося, наглядно демонстрирует приказ по поводу слухов: «Всякое лицо, уличенное в распространении в Архангельске и прилегающих районах ложных известий, могущих вызвать тревогу или смущение среди дружественных союзникам войск или населения, карается, в силу существующего ныне осадного положения, со всей строгостью военных законов, то есть смертной казнью»^[172].

Белая армия

Главнокомандующий вооруженными силами Юга России ген. А. Деникин: «Будучи убежденным сторонником института присяжных для общего гражданского суда и общегражданских преступлений, я считаю его совершенно недопустимым в области целого ряда чисто воинских преступлений, и в особенности в области нарушения военной дисциплины. Война – явление слишком суровое, слишком беспощадное, чтобы можно было регулировать его мерами столь гуманными. Психология подчиненного резко расходится в этом отношении с психологией начальника, редко поднимаясь до ясного понимания государственной необходимости... пока существует армия и ведется война, закон и начальник должны обладать всей силой пресечения и принуждения, направляющей массу к осуществлению целей войны»^[173]. В итоге констатировал А. Деникин: «судебные уставы не обладают в военное время решительно никакими реальными способами репрессий, кроме смертной казни... *Мы писали суровые законы, в которых смертная казнь была обычным наказанием*»^[174].

Другие меры наказания в условиях Гражданской войны приводили к прямо противоположным результатам. Например, член правительства П. Скоморохов сообщал генерал-губернатору Северной области ген. Е. Миллеру относительно восстановления в белой армии, в виде наказания, пыток и порки: «Раздевание донага и порка – порка до остервенения, до сладострастия. Неистовый крик и бред истязаемых и похотливое хихиканье истязателей. Окровавленных и истерзанных, одних выводят, других вытаскивают. Сильнее и стремительнее электрического тока весть разносится по всему фронту. Среди солдат, утопающих в неизвестности, страхе и сомнениях, живущих вследствие этого не сознанием, а только нервами, власть разрастается и ширится и претворяется в форму озлобленности – стихийной ненависти»^[175].

Командующий Сибирской «белой» армией Гришин-Алмазов приказывал: «Уклоняющихся от воинской повинности граждан арестовывать... для суждения по законам военного времени. По отношению к открыто неповиновующимся закону о призыве, а также по отношению к агитаторам и подстрекателям к тому должны применяться самые решительные меры, до уничтожения на месте преступления»^[176]. Командующий фронтом в колчаковской армии, ген. Н. Сахаров приказал выставить заградотряды для задержания всех мужчин в возрасте от 18 до 45 лет: «Армия требует помощи, и, я... найду в себе силы заставить малодушных дать эту помощь»^[177]. Атаман Дутов установил смертную казнь за малейшее сопротивление властям и за уклонение от воинской службы^[178].

Командующий войсками Северной области ген. В. Марушевский назначал в образцовые роты по 10–12 офицеров, «дабы не только взводы, но даже часть отделений была в офицерских руках» при ротах создавались пулеметные взводы «куда зачислены были лишь отборные, верные люди, на которых, в случае нужды, можно было опереться»^[179]. Но даже в этих ротах солдаты взбунтовались, когда им приказали выступать на фронт. Восстание было подавлено. Генерал потребовал выдать зачинщиков, «а ежели роты таковых выдавать не будут – взять каждого десятого... и расстрелять на месте». Тридцать зачинщиков было выдано и немедленно без суда расстреляно «По точному смыслу устава дисциплинарного, предоставляющего начальнику безграничные права, в смысле выбора средств по восстановлению дисциплины, – писал Марушевский, – и на мою личную перед Россией ответственность». «Правительство признало мои действия правильными и отвечающими обстановке»^[180].

В итоге ген. В. Марушевский констатировал: «*Я глубоко убежден, что если удалось заставить население драться, то успех этого дела был достигнут только силой и крутыми мерами*. Наше население настолько серо и политически неразумно, что какая бы то ни было работа с ним «языком» и бюрократическими приемами не только не допустима в данное

время, но и преступна перед Россией»^[181]. Однако, несмотря на *крутые меры*, белая армия развалилась. Один из лучших белых генералов А. Драгомиров в октябре 1918 г. в отчаянии писал: «*Мне иногда кажется, что нужно расстрелять половину армии, чтобы спасти остальную*»... В 1920 г. он добавлял: «Мое мнение такое. Вслед за войсками должны двигаться (отборные) отряды, скажем, “особого назначения”... Но трагедия в том, откуда набрать этих «отборных»...»^[182]

Армия действительно не может состоять из одних дезертиров, которых силой принудили воевать. Главком вооруженных сил Советской республики И. Вацетис писал об этом в докладе В. Ленину (январь 1919 г.): «Дисциплина в Красной армии основана на жестоких наказаниях, в особенности на расстрелах, но если мы этим, несомненно, и достигли результатов, то только результатов, а не дисциплины разумной, осмысленной, толкающей на инициативу... Достигнутое механическое внимание, основанное лишь на страхе перед наказанием, ни в коем случае не может быть названо воинской дисциплиной...» *Дисциплина, основанная на смертной казни*, утверждал Вацетис, «*не даст нам гарантии устойчивости*»^[183]. Троцкий в свою очередь указывал, что расстрелы без разбирательства в трибунале и судебного приговора следует прекращать^[184].

* * *

Кроме страха репрессий, армией должны двигать и другие более значимые мотивы, только тогда она будет стремиться к победе. Какие мотивы были способны подвигнуть на непримиримую войну «до смерти» Белую и Красную армии? Ведь всего несколько месяцев назад во время Первой мировой войны русская армия просто отказалась идти в бой. И вдруг вчерашние солдаты показывают новый прилив сил и энергии и отчаянно идут на смерть – во имя чего?

«Какая сила двигала этих людей (красноармейцев), смертельно уставших от войны, на новые жестокие жертвы и лишения? – спрашивал себя А. Деникин и тут же отвечал: – Меньше всего – преданность советской власти и ее идеалам. Голод, безработица, перспективы праздной, сытой жизни и обогащения грабежом, невозможность пробраться иным порядком в родные места, привычка многих людей за четыре года войны к солдатскому делу, как к ремеслу..., наконец, в большей или меньшей степени чувство классовой злобы и ненависти, воспитанное веками и разжигаемое сильнейшей пропагандой». Ростовский орган с. д. «Рабочее слово» (8, 1918 г.) приводил *интересный факт*: возвращение из ограбленного Киева Макеевского отряда рудничных рабочих, их «внешний облик и размах жизни» вызвали в угольном районе такое стремление в красную гвардию, что сознательные рабочие круги были серьезно обеспокоены, «как бы весь наличный состав квалифицированных рабочих не перешел в красную гвардию»^[185].

Среди самих красноармейцев, по словам историка В. Гениса, особенно дурной славой пользовалась «легендарная» Первая Конная армия М. Буденного: «Нет ни одного населенного пункта, в котором побывали буденновцы, где не раздавался бы сплошной стон жителей, – сообщал в декабре 1919 г. военком 42-й стрелковой дивизии 13-й армии В.Н. Черный. – Массовые грабежи, разбой и насилие буденновцев шли на смену хозяйничанью белых. Кавалеристы частей конкорпуса отбирали у населения (без разбора у кулаков и бедняков) одежду, валенки, фураж (иногда не оставляли и фунта овса), продовольствие (кур, гусей и пр.), не уплачивая ни копейки. Вламывая сундуки, отнимали женское белье, деньги, часы, столовую посуду и проч. Поступали заявления об изнасиловании и истязании. Кони вводились в комнаты. Из кооперативов Старого Оскола и Чернянки было забрано продуктов на десятки тысяч рублей и не уплачено... Крестьяне спрашивают – в чем разница: грабили белые – теперь грабят красные?!»^[186].

«В первые дни, – вспоминал один из свидетелей грабежа буденовцами взятого Ростова С. Ставровский, – громили главным образом винные магазины, которых в Ростове было множество... Пьянство и буйство были невообразимые (обилие вина, найденного в Ростове, было объявлено... «провокацией белых»). Несколько человек, даже из числа командиров полков и политкомов, было расстреляно. Но грабежи и пьянство не утихли до тех пор, пока не осталось ничего, что можно было бы грабить, и пока не распили последнюю бутылку вина... Во многих домах были совершены в эти дни безобразнейшие насилия, зверские убийства и грабежи»^[187].

Чем отличалась в этом плане от Красной Белая армия? Ответом на этот вопрос могут служить воспоминания наследника Деникина на посту командующего Армией Юга России ген. П. Врангеля. По его словам, подобные «*интересные факты*» в повседневной практике деникинской армии, чем дальше, тем больше приобретали характер системы: «Гомерические кутежи и бешеное швыряние денег на глазах всего населения (Ростова) вызывали среди благо-разумных элементов справедливый ропот... *Поощряемые свыше войска смотрели на войну как на средство наживы. Произвол и насилие стали обычным явлением...*»^[188]

Одной из причин этого явления, по словам Врангеля, являлось то, что «разоренные и ограбленные большевиками казаки *справедливо* хотели вернуть свое добро. Этот стимул, несомненно, приходилось учитывать»^[189]. «Очерки...» Деникина забиты описаниями «*справедливых*» казацких экспроприаций: «...грабежи, бесчинства, массовые убийства и расстрелы в захваченных городах, погромы, поджоги, насилия и разрушения... Казаки относились к рейду как к очередной наживе, как к хорошему случаю обогатиться, пополнив свою казачью казну. *Более широкое понимание задач рейда было им недоступно...*»^[190]

«О войсках, сформированных из горцев Кавказа, не хочется и говорить, – писал Деникин, – Десятки лет культурной работы нужны еще для того, чтобы изменить их бытовые навыки... Если для регулярных частей погоня за добычей была явлением благоприобретенным, то для казачьих войск – исторической традицией, восходящей ко временам Дикого поля и Запорожья, прошедшей красной нитью через последующую историю войн и модернизованную временем в формах, но не в духе. Знаменательно, что в самом начале противобольшевистской борьбы представители Юго-Восточного союза казачьих войск, в числе условий помощи, предложенной временному правительству, включили и оставление за казаками всей “военной добычи” (!), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне...»^[191]

Деникин приводит показательный рассказ председателя Терского круга: «Конечно, посылать обмундирование не стоит. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске... И совсем уже похоронным звоном прозвучала вызвавшая на Дону ликование телеграмма ген. Мамонтова, возвращавшегося из Тамбовского рейда: “Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей, на украшение церквей – дорогие иконы и церковную утварь...”»^[192]

Особенно развалу был подвержен тыл армии, отмечал П. Врангель: «Несмотря на присутствие в Екатеринодаре Ставки, как прибывшие, так и проживающие в тылу офицеры вели себя недопустительно распустино, пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами... Все эти безобразия производились на глазах штаба Главнокомандующего, о них знал весь народ, и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат»^[193].

Спецслужбы, по словам Деникина, старались не отставать: «Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густую сетью территорию Юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова»^[194].

«Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилиями. Здесь все потеряно, – констатировал ген. П. Врангель, – Идти второй раз по тем же путям и под добровольческим флагом нельзя. Нужен какой-то другой флаг...»^[195] «Отчего не удалось дело Деникина? Отчего мы здесь, в Одессе? Ведь в сентябре мы были в Орле... Отчего этот страшный тысячеверстный поход, великое отступление “орлов” от Орла?... – задавался вопросом видный участник белого движения В. Шульгин и тут же отвечал: – *“Взвейтесь, соколы... ворами” (“единая, неделимая” в кривом зеркале действительности)*. “Белое дело” погибло. Начатое “почти святыми”, оно попало в руки “почти бандитов”»^[196]. По словам атамана А. Шкуро, «реквизиции и грабежи для белых войск стали синонимами»^[197]. Служивец Врангеля, А. Валентинов отмечал: *«О нашей армии население сохранило везде определенно скверные воспоминания и называют ее не Добрармией, а “грабьармией”»*^[198]. Грабеж приводил к тому, что крестьяне районов, где была Добровольческая армия, «совершенно не сочувствующие “коммуне”, все ждут большевиков как меньшее зло, в сравнении с добровольцами “казаками”»^[199].

У Колчака, так же как и у Деникина, отмечал один из самых влиятельных членов его правительства Гинс: «Грабеж был... распространенным явлением. Пьянство, порки, погромы..., составляли бытовое явление»^[200]. В колчаковской армии *«интересные факты»* с первых дней носили массовый, всеобщий характер: «Террор и хищения, казнокрадство и взяточничество стали в армии обычным делом. Главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке ген. М. Жанен писал: «Вчера прибыл ген. Нокс... Его душа озлоблена. Он сообщает мне грустные факты о русских. 200 000 комплектов обмундирования, которыми он их снабдил, были проданы за бесценок и частью попали к красным. Он считает совершенно бесполезным снабжать их чем бы то ни было»^[201]. Точно так же, как и в деникинской, в колчаковской армии: «... в поисках необходимого (войска) начинали мародерствовать. Результатом было явление, уже совсем невыгодное для колчаковцев: население все более и более убеждалось в том, что все-таки белые хуже красных, хотя грабят и те и другие»^[202].

Грабеж и военная добыча не были отличительной чертой Гражданской войны в России, они неизменно сопровождали все гражданские войны, во всех странах и революциях. Но грабеж, как и страх перед репрессиями не могут быть основными стимулами движущими армию к победе, должно быть еще нечто большее...

Что? Ответ на этот вопрос требует определение характера сил противостоящих друг другу на фронтах гражданской войны:

За правду до смерти...

Стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и своя честь. Правда тех, кто считал и родину, и революцию поруганными новым деспотизмом и новым, лишь в иной цвет перекрашенным насилием, – правда тех, кто иначе понимал родину и иначе ценил революцию и кто видел их поругание не в похабном мире с немцами, а в обмане народных надежд... Были герои и тут и там; и чистые сердца тоже, и жертвы, и подвиги, и ожесточение, и высокая, внекнижная человечность, и животное зверство, и страх, и разочарование, и сила, и слабость, и тупое отчаяние. Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой, но были и бились между собой две правды и две чести, – поле битвы усеяли трупами лучших и честнейших.

М. Осоргин ^[203]

Белая идея

Что же представляла из себя Белая армия? За что шли на смерть ее солдаты и офицеры? Не претендуя на исчерпывающий ответ, приведем лишь отдельные характерные зарисовки, сделанные самими белогвардейцами и их союзниками, которые дают общее представление на этот счет:

Северная армия

Член правительства Северной области эсер Б. Соколов вспоминал, что офицерство Северной армии: «В большей своей части... было не только весьма высокого качества, не только превосходило офицерство Сибирской и Юго-Западной армий, но и отличалось от офицерства Добровольческих частей. Оно было не только храбро, оно было разумно и интеллигентно»^[204]. «Прибывшие в область офицеры в большей своей части отличались тоже мужественным и доблестным исполнением своего долга. К сожалению, между ними не было полной солидарности, т. к. офицеры, спасенные на Украине от большевиков немцами, были проникнуты германофильством, что возмущало офицеров, сохранивших верность Антанте. Все это антантофильство и германофильство, конечно, не носило серьезного характера, но, к сожалению, давало повод для ссор и недоразумений. Много выше стояла офицерская среда в артиллерии, производя своим поведением, воспитанностью и уровнем образования впечатление офицеров мирного времени. Цвет офицерства составляла небольшая группа кадровых офицеров, командовавших отдельными войсковыми частями пехоты и артиллерии, на которых, собственно говоря, и держалась наша маленькая армия»^[205].

Царящие среди них настроения передавал английский ген. Э. Айронсайд: «Память о революции глубоко въелась в их (офицерские) души. Я пытался внушить им, что они должны уменьшить пропасть между офицерами и рядовыми, но почувствовал, что мои слова не произвели на них никакого впечатления... Офицеры исправно несли службу, но в их глазах я видел ужасную безысходность. Многие из них в глубине души не верили, что смогут разбить большевиков, хотя все еще твердо были убеждены, что им нужно оказывать сопротивление»^[206].

В то же время, как единодушно отмечали белые генералы, командовавшие Северной армией, «кроме единичных случаев..., отношения между солдатами и офицерами были дружелюбны...»^[207] Несколько офицеров, особенно отличившихся своими боевыми действиями, и

известных большевикам своей активностью, были спасены солдатами...»^[208] Б. Соколов относил эту особенность к тому, что: «не было в северянах, в частности в северных войсках, ненависти к интеллигентам и барам (исключение составляли горожане и пригородские жители)... Это явление тесно связано с характером и натурой северян. В них нет и в помине того озлобления, затаенной обиды и ненависти к барам и интеллигентам, столь характерных для великоросса средней России. Здесь на Севере были только следы этих настроений, только отголоски, только отражение общероссийских настроений масс. Вместе с тем у северян и больше самостоятельности, больше и чувства собственного достоинства»^[209].

Но главной чертой Северной армии отличавшей ее от всех остальных, являлось то, что ее основной цементирующей силой были не столько офицеры, сколько войска интервентов. Их роль наглядно передавали воспоминания ген. В. Марушевского: «Восстания... только подтвердили необходимость наличия в отрядах хотя бы небольшого числа иностранных войск. Здесь важна была не сила, а наличие иностранного мундира, в котором простолюдин видел не только штык или револьвер, но государственную силу, стоявшую за ним. Кроме того, хотя бы небольшая иностранная сила обеспечивала свободу действий каждого войскового начальника, охраняя его жизнь от покушений. С этим надо было считаться и не успокаивать себя теоретическими соображениями о политических вкусах и идеалах нашего мужика»^[210].

Принцип пропорционального состава русских и иностранцев был установлен еще в соглашении союзников с Мурманским Советом от 6 июля 1918 г. Согласно ему из русских «не должны формироваться отдельные русские части, но, поскольку позволят обстоятельства, могут быть сформированы части из равного числа иностранцев и русских»¹⁸. Но даже через полгода после высадки союзников 1 января 1919 г. *в Северной области (Архангельском и Мурманском фронтах) на 7,1 тыс. русских солдат и офицеров приходилось 23,2 тыс. солдат и офицеров интервентов*^[211]. *После проведения принудительной мобилизации на 15 апреля 1919 г. на 24,5 тыс. русских – 21,5 тыс. интервентов*^[212]. Несмотря на дальнейший рост численности войск интервентов (до 27 тыс.) увеличение русской части армии оказалось невозможным, поскольку доступные мобилизационные ресурсы области оказались исчерпаны.

Боеспособным ядром Северной армии были именно войска интервентов, отмечал Б. Соколов: «Все фронты были в полном подчинении у английского командования... Позиции были заняты главным образом английскими, кое-где русскими силами, русским же разрешалось занимать более глухие и менее ответственные места. Пропуски, проезды... – все это было в руках у союзной комендатуры. Госпитали... были английские, персонал же смешанный, русский и английский. Интендантство, снабжавшее фронт и тыл, было исключительно английским, и русские получали все, начиная с довольствия и кончая обмундированием, с английских складов»^[213].

*Северо-западная армия Русская Западная армия была сформирована в октябре 1918 г. при активном немецком участии*¹⁹. Условия формирования северо-западной армии, подписанные в октябре 1918 г., в частности гласили: «*Формирование армии будет происходить... под прикрытием германских оккупационных войск... Денежные средства на содержание армии отпускаются германским правительством* заимообразно Русскому Государству...» При этом указывалось, что германские войска в наступлении не участвуют..., но «следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти... После занятия Петербурга объявляется военная диктатура...»^[214] *В армии первоначально насчитывалось «в общей сложности около 50 тысяч человек (вместе с около 40 тысячами немец-*

¹⁸ От имени США соглашение подписал капитан 1-го ранга Бергер, командир крейсера «Олимпия» прибывшего в Мурманск еще 24 мая.

¹⁹ Примечательно, что с немецкой стороны переговоры о создании армии Юденича вели два майора Генштаба Э. фон Клейст (будущий ген. фельдмаршал гитлеровской армии) и фон Тресков (будущий начальник штаба группы армий фон Бока в 1941–1942 гг., стоявший у истоков создания РОА ген. Власова) (см. подробнее Шишов А.В..., с. 294).

ких добровольческих частей). При переброске (в Россию, речь шла только о русских частях) осталось лишь 6–7 тысяч человек»^[215].

Член Северо-Западного правительства В. Горн оставил следующее описание этой армии: «Период немецкой учебы оказался весьма краток, а с русской стороны дело велось крайне беспечно и бестолково. Уже тогда, в момент зарождения белой армии, вскрылась одна психологическая черточка, которая сразу возмутила бравых немецких инструкторов. Едва успев надеть погоны и пашку, русские офицеры начали кутить и бездельничать, *не все*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Керенский А. Русская революция..., с. 366, 368.

2.

Игнатьев В.И..., с. 102.

3.

Гинс Г.К... с. 45.

4.

Ленин, 17 октября 1914 г. (ЧКК..., с. 74).

5.

Ленин В.И. ПСС, т. 30, с. 328.

6.

Керенский А. Русская революция..., с. 366.

7.

Керенский А.Ф..., с. 17–18.

8.

Раупах Р.Р..., с. 240–241. См. так же: Кисин С. Деникин..., с. 150.

9.

Керенский А.Ф..., с. 277.

10.

Керенский А.Ф..., с. 199.

11.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 230.

12.

Деникин А.И... т. 2, с. 152.

13.

Мельгунов С. Как большевики... с. 265.

14.

Милюков П.Н. История..., с. 745, 744.

15.

Палеолог М..., 21 апреля 1917 г., с. 798.

16.

Керенский А. Русская революция..., с. 368.

17.

Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993, с. 349. (Кожин В.В..., с. 239.)

18.

См. подробнее о Стокгольмской конференции: Уорт Р..., с. 102–103.

19.

Черчилль У..., с. 289–290.

20.

Уэллс Г. Россия во мгле...

21.

Чернов В..., с. 370.

22.

Деникин неоднократно обращался к данной теме: Деникин А.И... т. 1, с. 454–455; См. так же: речь А. Деникина от 26 августа (8 сентября) 1918 г. Деникин А. Очерки Русской Смуты т. III, с. 262–263 и т. IV, с. 45–48. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 557). См. так же: Ответ Верховного Правительства на ноту «союзных и соучаствующих держав» от 26 мая 1919. // Россия и союзники. Обмен нотами между Союзными державами и Верховным Правителем России адмиралом Колчаком. Киев: Союз Возрождения России; Главный комитет на Украине, 1919. (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 49).

23.

Устрялов Н..., с. 540.

24.

Гинс Г..., с. 179.

25.

Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх № 51.; Допрос Колчака – Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 380).

26.

П. Милюков – ген. Алексееву на манифест Л. Корнилова от 5 февраля 1918 г. (Кенез П..., с. 82–83).

27.

Шидловский С. И. Воспоминания. Т. 2, с. 122–123 (Чернов В... с. 244).

28.

Показания ген. М. Алексева Войсковому Правительству Донской области 18 января 1918 г. – напечатано: Донская волна № 13, 24 марта 1919. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 465).

29.

Кенез П..., с. 53, 55.

30.

Троцкий Л. Д. История русской революции. т. 2. Октябрьская революция. Часть первая.

31.

Кенез П..., с. 67.

32.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 449.

33.

Ленин В.И. ПСС, т. 34, с. 244.

34.

См. например: Соколов Б.Ф. «Защита Всероссийского Учредительного Собрания» – Берлин. 1924. Октябрьская революция. Мемуары. – М.,Л.: 1926, с. 382. (Кожин В.В..., с. 240.); Деникин А. И... т. 1, с. 454–455; Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 361.

35.

Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 344. (Кожин В.В..., с. 237–238.)

36.

Кожин В.В..., с. 238–239.

37.

Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 266.

38.

Кара-Мурза С..., с. 242–243.

39.

Головин Н.Н..., с. 366.

40.

Окунев Н.П..., с. 39. (2 мая 1917)

41.

Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх № 51.; Допрос Колчака – Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 367).

42.

Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх № 51.; Допрос Колчака – Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 356).

43.

Деникин А. И... т. 1, с. 258.

44.

Керенский А. Русская революция..., с. 267–268.

45.

Разговор с русскими миссиями в Лондоне август 1917 г. Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фонд LXXV, арх № 51.; Допрос Колчака. Л.: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 369).

46.

Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх № 51.; Допрос Колчака – Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 345–346).

47.

Деникин А. И... т. 1, с. 394.

48.

Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх № 51.; Допрос Колчака – Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 340).

49.

Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977, p. 112 (Уткин А.И... с. 354)

50.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 405.

51.

Мельгунов С. Как большевики... с. 282.

52.

Мельгунов С. Как большевики... с. 294.

53.

Мельгунов С. Как большевики... с. 278.

54.

Мельгунов С. Как большевики... с. 211.

55.

Мельгунов С. Как большевики... с. 269.

56.

По данным Суханова при подавлении восстания потери с обеих сторон убитыми и ранеными, составили до 200 человек. (Мельгунов С. Как большевики... с. 280).

57.

Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917–1920 гг. М.: 1988, с. 33.

58.

Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917–1920 гг., с. 33.

59.

Бухарин доклад в петербургском Центр. Исп. ком. Советов 6 ноября 1917 г. (Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 374).

60.

Мамонтов С. Походы и кони. – Париж: 1981, с. 49; (Волков С. В..., с. 40.)

61.

Волков С. В..., с. 40.

62.

Алексеев Г. Две встречи //ВБ. N 62, с. 16; Перепеловский К.М. Киевское Великого Князя Константина Константиновича Военное училище //ВБ. N 73, с. 24; (Волков С. В..., с. 41.)

63.

Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. – Новосибирск: 1973, с. 44, 48–49; (Волков С. В..., с. 41–42.)

64.

Подробнее см: Волков С. В..., с. 42.

65.

Кускова. Письмо из Берлина. Посл. Нов. 29 мая 1923 г. (Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 401, примечание автора).

66.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 296.

67.

Кенез П..., с. 22.

68.

Мельгунов С. Как большевики..., с. 234.

69.

Мельгунов С. Как большевики..., с. 234.

70.

Мельгунов С. Как большевики... с. 304.

71.

Милюков П.Н. История..., с. 696.

72.

Милюков П.Н. История..., с. 710.

73.

Мельгунов С. Как большевики..., с. 234.

74.

Деникин А. И. (II)..., с. 159–161.

75.

Милюков П.Н. История..., с. 723.

76.

Мельгунов С. Как большевики... с. 313.

77.

Милюков П.Н. История..., с. 702–703.

78.

Милюков П.Н. История..., с. 702–703.

79.

Мельгунов С. Как большевики... с. 331.

80.

Мельгунов С. Как большевики... с. 316.

81.

Мельгунов С. Как большевики... с. 335.

82.

Кенез П..., с. 66.

83.

Кенез П..., с. 63.

84.

Кенез П..., с. 67.

85.

Кенез П..., с. 68.

86.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 385.

87.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 385.

88.

Деникин А. И. (II)...., с. 262–263.

89.

Кенез П..., с. 65.

90.

Кенез П..., с. 65–66.

91.

Раупах Р. Р..., с. 244.

92.

Раупах Р. Р..., с. 240–241.

93.

Кенез П..., с. 71.

94.

Кенез П..., с. 72.

95.

Кенез П..., с. 74.

96.

Кенез П..., с. 87.

97.

Кенез П..., с. 95.

98.

Кенез П..., с. 89.

99.

Кенез П..., с. 99–100.

100.

Кенез П..., с. 100.

101.

Кенез П..., с. 205.

102.

Кенез П..., с. 109.

103.

Кенез П..., с. 109.

104.

Кенез П..., с. 109.

105.

Кенез П..., с. 112.

106.

Деникин А.И. (II)..., с. 395–396.

107.

Мельгунов С. Как большевики... с. 322.

108.

Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. 1, ч. 2. – Париж – Берлин: 1921, с. 77.

109.

Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918–1920 годов. Т. 1, Париж, 1962, с. 42, 250 (Волков С.В..., с. 66, 171)

110.

Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь, N 35, с. 12 (Волков С. В..., с. 260)

111.

Свидерский Д.Д. Поход к Ледяному походу // ПП. N 1, с. 37 (Волков С. В..., с. 78)

112.

Корниловский ударный полк. Париж, 1936, с. 56 (Волков С. В..., с. 78)

113.

Раупах Р.Р..., с. 243.

114.

Раупах Р.Р..., с. 241.

115.

Фрэнсису Лэнсингу, 24.01/6.02.1918, с вложением, датированным 26.01.1918 от консула Пула, FRUS, 1918, Russia, 2: 609, 610–611, 613, 614, 619 (Дэвис Д., Трани Ю... с. 187)

116.

Кенез П..., с. 9.

117.

Вестник КОМУЧа. 6.IX.1918, Самара. (Голуб П.А..., с. 204–205).

118.

Из приказа А. Деникина по армии: «Борьба до смерти. ». (Деникин А.И. (II)..., с. 393)

119.

Соколов Б. Ф... с. 376–377.

120.

O. Figes, The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War, 1918–1920, «Past and Present» № 129, november 1990, p. 199–200. (ЧКК..., с. 111.)

121.

G. Leggett, op. cit., p. 204–237. (ЧКК..., с. 101.)

122.

Егоров А..., с. 239.

123.

Knox A. With the Russian Army 1914–1917. Vol. II, Lnd., 1921, p. 174 (Уткин А. И..., с. 282)

124.

Палеолог М. 30 (17) апреля 1917. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991 (Репринт 1923 г.) с. 430, 449 (Кожин В. В. О русском..., с. 65–66)

125.

Головин Н. Н..., с. 186.

126.

Неизвестная Россия, XX век. М., 1992, т. 2, с. 221 (Литвин А..., с. 140)

127.

Раковский Г. Конец белых. Прага, 1921. В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., «Отечество», 1991, с. 399

128.

Деникин А. И. (III).

129.

Деникин А. И. Поход на Москву... с. 529.

130.

Деникин А. И. Поход на Москву... с. 445.

131.

ГАРО. Ф. 856, оп. 1, д. 76, л. 19, 51–52. РГВА. Ф. 1304, оп. 1, д. 480, л. 19. Д. 478, л. 10. (Холквист П. Как казаки стали «контрреволюционерами»..., с. 112.)

132.

Приказ подписали атаман Богаевский и командующий Донской армией генерал Сидорин (см.: Донские ведомости, 23 февраля (8 марта) 1919 г.). (Цит. по: Голуб П. А. Правда и ложь о рассказывании казаков))

133.

Посол США Фрэнсис – Госсекретарю. Архангельск, 12.09.1918. (Фрэнсис Д... (Голдин В. И..., с. 58))

134.

Вестник правительства Северной области, 24.IX.1919. Архангельск. (Голуб П. А..., с. 192).

135.

Вестник правительства Северной области, 24.IX.1919. Архангельск. (Голуб П. А..., с. 192).

136.

Климущкин П.Д. Борьба за демократию на Волге// Гражданская война на Волге в 1918 году. Сб. 1. Изд. О-ва участников Волжского движения. Прага, Румунска 1, с. 49., 88. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 166, 169).

137.

Газ. «Русская армия», 26.VII. 1919. (Голуб П. А..., с. 379–380).

138.

Гинс Г.К..., с. 442.

139.

Гинс Г.К..., с. 450.

140.

Марушевский В. В..., с. 203

141.

Марушевский В. В..., с. 217.

142.

Троцкий Л. Вокруг Октября. 6 апреля 1924 г.

143.

Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция, т. 1. – М., 1923, с. 232–233.

144.

Гражданская война 1918–1921 гг. – М., 1928. Т. 2, с. 84. (Россия и СССР в войнах XX века...)

145.

Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.), с. 119–122; Родин Д. Революционные трибуналы в 1920–1922 гг. – Вестник статистики. 1989. № 8, с. 49, 54; (Литвин А.Л...с. 63))

146.

Раупах Р.Р..., с. 143.

147.

Зайончковский А.М..., с. 625.

148.

Палеолог М... 9 ноября 1916 г., с. 622.

149.

Раупах Р.Р..., с. 145.

150.

Gibbs Ph. Realities of War. London, 1920, p. 47. (Уткин А.И..., с. 253.)

151.

Пуанкаре Р..., с. 729, прим.

152.

Пуанкаре Р..., с. 729–730. Подробнее о военной юстиции во Франции во время войны см. журнал «Proces civique» за 1919–1922 гг. «Cahiers des Droits de l'Homme» за эти же годы, Reau, «Les Crimes de Conseils de guerre»; на русском языке см. вводную статью Ф. Нотович к сборнику «Революционное движение во французской армии в 1917 г.» (Пуанкаре Р..., с. 733, прим.)

153.

Палеолог М..., 1 сентября 1916 г., с. 567.

154.

Белый Север, с. 369, прим.

155.

Киган Д..., с. 444.

156.

Ген. Балугев – Керенскому (Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 27–28)

157.

Деникин А. И. (I)..., с. 379, см. так же Савинков – Керенскому (Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 27)

158.

Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 27

159.

Деникин А. И. (I)..., с. 381–384.

160.

Корнилов 11 июля 1917 г. (Головин Н.Н..., с. 368.)

161.

Корнилов 11 июля 1917 г. (Головин Н.Н..., с. 368.)

162.

Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 94–95.

163.

Ген. Балугев – Керенскому (Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 27–28)

164.

Чернов В..., с. 359.

165.

Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 94

166.

Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 95–96

167.

Джадсон Фрэнсису, 29.08 и 3.09.1917, Judson Papers, box 5, NL (Дэвис Д., Трани Ю... с. 129)

168.

Меморандум послу, 29.08.1917, вложение 1, в «Доклад о ситуации в России» Джадсона от 16.03.1918, Judson Papers, box 8, NL (Дэвис Д., Трани Ю... с. 130)

169.

Перефразированные Джадсоном слова Фрэнсиса см. в: Джадсон ген. у Пейтону Марчу, начштаба армии США, 21.05.1919, Judson Papers, box 6, NL (Дэвис Д., Трани Ю... с. 129)

170.

Фрэнсис Лэнсингу, 30.08.1917, FRUS, 1918, Russia, 1: 181 (Дэвис Д., Трани Ю... с. 129)

171.

Дневник Дж. Бьюкенена, запись 24.08.1917. (Бьюкенен Дж... с. 322)

172.

ГАРФ, ф. 18, оп. 1, д. 8, л. 12. (Голуб П. А..., с. 137).

173.

Деникин А. И. (I)..., с. 210.

174.

Деникин А. И. (I).

175.

Ответное письмо П. П. Скоморохова ген. у Е. К. Миллеру. Архангельск. 17.02.1920. УМБРФ по Архангельской области. Следственное дело на Мартынова Я. А. и др. Л. 205–205 об. Подлинник (Белый север, т. 2, с. 434–435)

176.

Приказ от 16 августа 1918 г. ГАРФ, ф. 176, оп. 2, д. 27, л. 101. (Голуб П.А..., с. 275).

177.

Газета «Русская армия», 7. XI. 1919. (Голуб П.А..., с. 381).

178.

Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.). Документы и материалы. Оренбург, 1958, с. 153–154, 164 (Литвин А..., с. 175)

179.

Марушевский В. В..., с. 218

180.

Марушевский В. В..., с. 223, 224.

181.

Доклад командующего войсками и члена правительства Северной области ген. – лейтенанта В. В. Марушевского Временному правительству Северной области 19.07.1919. (ЦГАОР СССР. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Лл. 57–59.) (Белый Север, с. 358–360)

182.

Шульгин В. В. 1920. (Шульгин В. В..., с. 286)

183.

Вацетис И. И. Гражданская война. 1918 год. // Память. М., 1977, Вып. 2, с. 72, 74 (Литвин А..., с. 292)

184.

Троцкий Л.Д. Моя борьба. Берлин. 1930, т.2, с. 141. (Литвин А..., с. 60.)

185.

Деникин А. И. (II).

186.

Генис В.Л. “Первая конная армия: за кулисами славы”. – Вопросы истории. – 1994. № 12. [http://pandia.ru/text/78/231/46031. php](http://pandia.ru/text/78/231/46031.php)

187.

Ставровский С. Н. Черные годы. В кн.: Минувшее. Т. 14. М. – СПб. 1993 с 87. (Цит. по: Генис В.А. “Первая конная армия...”)

188.

Врангель П. Н. Записки. 11.1916–11.1920, т.1.

189.

Врангель П. Н. Записки. 11.1916–11.1920, т.1.

190.

См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. V. – Берлин, с. 122; (Егоров А. И... с. 201.)

191.

Деникин А. И. Поход на Москву..., с. 404.

192.

Деникин А. И. Поход на Москву... с. 405.

193.

Врангель П.Н. Записки// Белое Дело, т. V, с. 99–100. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 490).

194.

Деникин А. И. Поход на Москву..., с. 406–407.

195.

Деникин А. И. (III)..., с. 297.

196.

Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В..., с. 288, 292).

197.

Шкуро А. Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1961, с. 208 (Карпов Н. Д..., с. 74)

198.

Валентинов А. А. Врангелевщина. Из кн.: Архив Русской революции, т. V, Берлин, 1922; См. так же Валентинов А. А. Крымская эпопея. Деникин – Юденич – Врангель, М. – Л., 1927, с. 356.

199.

ГАРФ, ф. 440, оп. 1, д. 34, л. 2, 12, 73; д. 12, л. 1–33 (Литвин А..., с. 182)

200.

Гинс Г. К..., с. 478.

201.

Краснов В.Г. (II)... с. 131–132.

202.

Краснов В.Г. (II)... с. 136.

203.

Осоргин М.А. 1928 г. Ситцев Вражек. Урал. 1989. № 7, с.86.

204.

Соколов Б. Ф..., с. 340.

205.

Добровольский С. Ц..., с. 98.

206.

Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 283–284.)

207.

«Офицеры широко назначались в крестьянские партизанские отряды... которых крестьяне «в полном смысле этого слова носили на руках», – Марушевский В. В..., с. 218, 226, 288; «Все очевидцы отмечают в целом необычайно теплые отношения между офицерами и солдатами

Северной армии. Даже при развале фронта «ни одного акта насилия, ни одного враждебного жеста по отношению к оставшимся в строю офицерам не было сделано...», – Миллер Е. К..., с. 27; «Необходимо только отметить, что эксцессов в отношении офицеров на фронте почти не было... В общем солдатская масса рассталась с офицерами дружелюбно», – Добровольский С... с. 194–195.

208.

Соколов Б.Ф... с. 414

209.

Соколов Б.Ф... с. 364–365

210.

Марушевский В. В..., с. 282–283

211.

Армия. Эвакуация из Северной России, 1919. Лондон, 1920 (на англ. яз.). С. 19–20 (Белый Север, с. 370, прим.)

212.

Зеленов Н.П..., с. 212.

213.

Соколов Б.Ф..., с. 322.

214.

См. подробнее: Условия формирования русской Добровольческой Армии в Северо-Западных губерниях («Северной Армии»), выработанные на Русско-Германском заседании в Пскове в середине октября 1918 г. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 91–92).

215.

Волков С. В..., с. 231;